

ВЕРА ЮДИНА

ХРАНИТЕЛИ
ЧЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Вера Юдина

Хранители Черной Земли

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Юдина В.

Хранители Черной Земли / В. Юдина — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

Эта книга для романтичных сердец, умеющих переживать с героями романа все приключения происходящие по ходу повествования. Главная героиня Саша и её брат (высокомерный, но добрый) красавец Дима приезжают в Египет, чтобы разгадать тайну загадочной карты, случайно оказавшийся у них в руках. В долгих поисках, они сталкиваются с египетским принцем из затерянного города богов Халимом и его сестрой Хамой. Эта встреча становится судьбоносной – Саша узнает тайну своего рождения и вместе с друзьями спасает жителей Чёрной земли (др. Египет) от, казалось бы, неизбежного конца.

© Юдина В., 2016

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вера Юдина

Хранители Черной Земли

Copyright Vera Udina 2016 г.

Пролог

Египет. 5000 лет до нашей эры

Ночь была слишком темной, необычной для этих мест. Холодная, безлунная, ужасающе пустая. Тучи спустились над землей и надежно укрыли собой все звезды и полную луну.

В столь поздний час, когда на много миль вперед не видно ни зги, пустыню пересекал одинокий всадник. Он был столь же необычен, как эта ночь. Рост его превышал нормальный человеческий почти в два раза. Лицо всадника и весь внешний облик надежно скрывались под черными одеждами, лишь сквозь тонкую полоску видны были его огненные глаза.

Конь его был так же велик, под стать своему хозяину, и один только взгляд на эту странную пару мог лишить любого здорового человека разума. Но в те времена загадочных владык Великой пустыни всадник мог вызвать лишь удивление.

Словно ветер, конь летел через пустыню, не жалея сил, и пыль, которую поднимали его могучие ноги, еще долго не опускалась на землю, после того как всадник уже исчезал из виду, поглощаемый темнотой и бесконечностью пустынной ночи.

Было ясно, что он очень спешит. Какие-то неведомые силы гнали его вперед, к его цели. И казалось, не ощущают усталости ни верный конь, ни его грозный всадник.

Впереди появились огни. Это были огни цыганского табора. Довольно часто кочевые племена, совершая свой переход к новому месту, на некоторое время застревали в пустыне, чтобы погреться и подготовиться к дальней дороге.

Всадник придержал коня, заставляя его остановиться, спешил и тихо, чтобы не привлечь к себе внимания, подошел к лагерю.

Появляться перед простыми смертными было опасно, но другого выбора у него не было. Всадник открыл лицо, поплотнее надвинул на голову капюшон и, оставив своего верного друга в стороне, тихим шагом, крадучись, прошел вдоль ряда повозок, отыскивая нужную.

Что он искал в ту ночь? Он искал сосуд. Было нечто, что он должен был надежно спрятать. Он знал, что по его следу идут ищейки, степные псы его злейшего врага. И он не мог допустить, чтобы нечто попало в чужие руки. Это могло бы изменить все. Разрушить мир в его привычном бытии и положить начало самой страшной и бесчеловечной войне, которая когда-либо разыгрывалась в истории.

Странник прошел несколько повозок. Остановился и осмотрелся. В отдалении от остальных шатров и повозок стояла небольшая коляска, довольно потрепанная временем, избитая дальними дорогами. Гигант выбрал ее, незаметно подкрался и проскользнул внутрь.

Внутри было темно и тесно, что вынудило гиганта сложиться едва ли не вдвое, чтобы поместиться под низким пологом. Из кармана он извлек странный предмет, похожий на цветок лотоса, свет от которого разлился по тесному пространству повозки.

На постели, свернувшись в клубочек, мирно спала молодая цыганка. Она была настолько красива, что на мгновение гигант залюбовался ее черными, словно смоль, волосами и смуглой бархатистой кожей.

Видимо, он так пристально смотрел на девушку, что та почувствовала присутствие незнакомца. Ее ресницы задрожали. Она сделала глубокий вдох и открыла глаза. И все случилось бы не так, как запланировал великан, если бы он вовремя не приложил палец к ее губам и магическим голосом, словно гипнотизируя, не заговорил:

– Я пришел просить тебя о помощи. Не кричи, иначе ты можешь привлечь внимание не только своих товарищей, но и самой ужасной силы, силы, от которой ни тебе, ни мне не будет спасения.

Цыганка испуганно моргнула. Недоверчиво посмотрела на своего ночного гостя, но кричать все же не стала. Она села на постели, обхватив колени руками, и слегка приоткрыла рот в ожидании объяснений.

Гигант молчал, любуясь цыганкой. Тогда она осторожно спросила:

– Что тебе надо?

Гигант быстро оглянулся, явно боясь, что их подслушивают. И заговорил:

– Я дам тебе на сохранение одну вещь. Но ты должна пообещать мне, что покинешь эти земли с первыми лучами солнца. Иначе нам не жить. Ни тебе, ни мне, ни тем, кто будет рядом.

Девушка слушала внимательно, понимающе кивая и не произнося ни звука. Она перестала бояться своего ночного гостя, наоборот, он вызывал в ней интерес.

Почувствовав, что страх исчез и кровь девушки закипела от предвкушения чего-то магического и запредельного, гигант произнес:

– Пора!

Он быстро задернул все отверстия в тенте и, опустившись на колени, занес над девушкой свои огромные ладони. Вокруг все наполнилось ярким дневным светом. Лучи замелькали и заструились, воспаряя вокруг цыганки, а затем проникая в нее без остатка. Все продолжалось не более пяти минут.

Когда магическое таинство закончилось, все погрузилось в привычную темноту. Девушка тихо вскрикнула, подняла свои ясные глаза на гиганта и упала без чувств. Тогда великан бережно уложил ее на постель и укрыл теплым одеялом. Теперь девушке предстояло набраться сил. Он знал это, как никто другой. Теперь сосуд предстояло надежно спрятать, а для этого надо было отвести от табора все ниточки.

Перед уходом великан в последний раз склонился к цыганке и тихо сказал:

– Придет время, и я верну то, что принадлежит мне, а пока... ты должна исчезнуть. Уходи как можно дальше с этих земель, чтобы ни одна живая душа даже не догадалась, что именно ты хранишь внутри себя.

На этом великан закончил и, плотнее запахнув плащ, выскользнул из повозки.

На улице уже начинало светать, а это могло привлечь ненужное внимание, поэтому великан незаметно вернулся к своему коню и, быстро вскочив в седло, помчался обратно в город.

Все было сделано, и теперь только судьба предопределит исход того, что должно было случиться.

Под покровом стремительно ускользящей ночи всадник приближался к дворцу, когда услышал пронзительный свист, и огромная стрела размером с копьё вонзилась в мощную шею коня. В тот же миг боевой конь захрипел и как подкошенный рухнул на землю, увлекая за собой хозяина. Нападение было неожиданным, но всадник довольно быстро вскочил на ноги. Он попытался выдернуть стрелу из шеи своего верного друга, но все было тщетно, несчастное животное, издавая жуткие хрипы, издохло, изгибаясь в предсмертных конвульсиях.

Великан еле сдержался, чтобы не закричать от злости на всю округу. Вместо этого он бросил ненавидящий взгляд на дворец. Он знал имя своего врага и жаждал мести.

Египет... Этот мир неизменный, удивительный, с историей, наполовину лишь разгаданной, с мудростью, четырьмя тысячелетиями предшествовавшей времени Авраама и Иакова; страна, куда приходили учиться все народы древности, не достигая, впрочем, никогда ее веры и надежды в утешительную будущность; страна баснословных фараонов, городов необъятных, пирамид и таинственных храмов; страна солнца и плодородия, выдавшая диких кочевников – гиксов, библейских патриархов, Камбиза и персов, греческих философов, Александра и Клеопатру, Цезаря, Германика, Омара, наконец Наполеона и Мехмета-Али... Какие имена! Какие

*события! Все народы древнего мира прошли по этой долине Нила и оставили по себе неизгладимую память в истории человечества.
Андреевский Египет.*

Глава 1

В душной комнате, куда не проникал солнечный свет и даже самый маленький глоток свежего воздуха, пахло эфирным маслом и лавандой.

На небольшой кровати, закутавшись в пуховые одеяла, на белых льняных простынях лежала девочка лет пяти. Ее темные волосы, слипшиеся от пота, сосульками лежали на подушке. А большие глаза цвета темного шоколада упрямо смотрели в потолок. На пересохших от долгой болезни губах играла едва уловимая улыбка, словно наперекор обстоятельствам девочка хотела казаться себе хоть чуточку счастливее. Это была улыбка маленького существа, понимающего весь ужас того, что с ней происходит на самом деле. И только стены ее тихой, мрачной комнаты хранили тайну детского одиночества.

Вся окружающая обстановка и состояние, в котором находилась девочка, были настолько ужасными, что родители старались реже заходить в комнату дочери, чтобы не пугать ее своим скорбными лицами.

Тихая, некогда светлая и просторная детская располагалась на втором этаже загородного особняка профессора Сцаенского. Это было родовое имение семьи профессора. Еще его предки росли в стенах некогда одного из самых известных в Петербурге особняков.

Виктор Сцаенский, профессор египтологии, был последним представителем своего славного рода. Его имя было широко известно в кругах ученых-египтологов. Его уважали не только за былую славу прапрадеда, но и за врожденную принципиальность и аккуратность в своем деле. Одним словом, он был уважаемым и благородным человеком.

И все в его жизни было успешным на первый взгляд. Все, кроме одного. Виктор, увлеченный наукой, долгое время не находил возможности общаться с представительницами прекрасного пола, стараясь избегать их общества, считая, что женщины лишь забирают у мужчин силу и время. А он как самый выдающийся в своем роде ученый планировал всю свою жизнь посвятить раскопкам и путешествиям. Однако судьба вмешалась в жизнь этого замкнутого по натуре человека и преподнесла ему неожиданный сюрприз, сведя его с очаровательной Элизабет.

Эта встреча состоялась на аукционе в Германии, куда Виктор приехал в погоне за каменной головой одной из цариц древнего Египта.

Виктор давно уже пытался доказать, что его гипотеза о существовании царицы Нитокрис, правившей Египтом более пяти тысяч лет назад, истинная правда. Но ни один источник не подтверждал его догадку, и она так и оставалась предположением.

И вот такая удача: он читает в газете, что румынская княгиня Мотингтон выставила на аукцион самое неоспоримое подтверждение его гипотезы – голову неизвестной доселе статуи, по ее мнению, царицы. Виктор, не теряя ни секунды, подготовил все для скорой поездки. Он горел от нетерпения успеть к началу аукциона.

Случилось так, что вместе с вожденной головой египетской царицы он умудрился привезти домой молодую жену. Красавицу, каких свет не видывал прежде.

Молодая Элизабет, дочь известного аукционера и искателя приключений, умершего всего за два года до знаменательной встречи, сразу привлекла внимание неопытного в амурных делах профессора. Статная, но в то же время скромная и пугливая, милая загадочная девушка буквально очаровала его своей экзотической красотой.

Она была не такой, как все, ее черные волосы, тяжелые и густые, и огромные глаза, изумрудные и чарующие, выделяли ее из толпы других красавиц.

Многие из окружения Виктора не могли понять, что именно такая дивная и прелестная девушка нашла в прагматичном и консервативном профессоре. Очевидным оставалось одно:

они полюбили друг друга с первого взгляда и после встречи уже не представляли жизни друг без друга.

Узнав, что Элизабет сирота и продает находку своего деда в связи с трудным финансовым положением, Виктор, словно верный рыцарь самого короля Артура, бросился на помощь прекрасной деве. Он выложил круглую сумму, даже не удостоверившись, истинно ли предположение о подлинности монумента. Затем несколько раз сводил Элизабет на свидание. И неожиданно проявил совсем небывалую для себя смелость – сделал девушке предложение.

Свадьбу они сыграли скромную, в присутствии всего лишь двух друзей Сцаенского, археологов. И сразу же отправились в свой новый дом, где прежде Сцаенский прозябал свои тоскливые будни.

В Петербург они приехали мужем и женой, и первое время их счастью ничего не угрожало. Виктор работал, занимаясь своими делами, Элизабет часто допоздна сидела возле мужа, наблюдая, как он читает или что-то записывает в огромные черные тетради. Девушка гордилась своей семьей и считала, что в мире нет никого их счастливее.

Лишь однажды Виктор заметил на глазах своей молодой супруги слезы и заботливо поинтересовался, отчего та грустит.

Элизабет призналась:

– Твой род берет начало в великие для вашей страны времена, и ты можешь гордиться своими предками. А я... моя мать была всего лишь бродячей цыганкой, пока не встретила отца. Я даже не знаю, кто мои родственники. Мама умерла, когда я была ребенком, и мне кажется, что я так никогда и не узнаю, были ли у меня братья, сестры, где мои бабушка и дедушка. Отец старался не говорить об этом, а я боялась спросить.

Тогда Виктор поспешил успокоить жену, уверяя, что ему совершенно не важно, кто ее родители, ему важно только то, что они любят друг друга, и их любовь будет заставлять биться их сердца еще много-много лет. Элизабет успокоилась и больше не возвращалась к этому разговору.

Однажды Виктор решил заняться установлением подлинности приобретенного фрагмента статуи, но после долгих часов изучения и работы над характерными для шестой династии чертами лица Виктор, отчаявшись, решил отложить это дело до лучших времен.

Для исследований не было достаточного фундамента из-за ограниченности знаний того времени. А не имея возможностей, истину не установить.

Позже он выяснил, что дед Элизабет проводил раскопки незаконно, и этот факт никак не был подтвержден. Но, чтобы не расстраивать жену, Виктор поставил голову царицы у себя в кабинете и заявил, что теперь Нитокрис станет для них символом вечной любви. Ведь именно благодаря ей они познакомились и нашли друг друга.

Через год Элизабет подарила любимому супругу прелестную дочку. Девочка была очень похожа на мать. Черноволосая смугляночка с очаровательными ямочками на крошечных щеках, с огромными глазами. Только ее глаза не были зелеными, как у Элизабет, они были темно-карими или скорее черными, как египетская ночь.

Девочка была прелестной, похожей на маленького ангелочка, но в то же время уже с младенчества она проявляла силу духа и твердость характера.

Счастливые родители нарекли девочку Александрой, надеясь, что это имя, как и ее великому тезке, даст ей неограниченные возможности в будущем.

До пяти лет девочка росла здоровой и крепкой, с розовыми пухлыми щеками, радуя родителей отличным аппетитом и интересом к книгам. Она могла часами сидеть у профессора в кабинете и слушать долгие истории о приключениях древних путешественников. Виктор гордился дочерью и души в ней не чаял.

Единственные хлопоты, которые она все-таки изредка доставляла своим любящим родителям, возникали из-за ее строптивого характера.

Однажды, наслушавшись сказок о лесных существах, она одна отправилась на прогулку в лес в поисках мифических созданий.

В другой раз, услышав, что под водой живут русалки, она отправилась к озеру в надежде поймать девушку-рыбу за хвост, когда та всплывет погреться на солнышке.

А последний раз, услышав, как отец читает о великих изобретениях Да Винчи, она соорудила себе крылья из шелковых наволочек и взобралась на дерево, чтобы совершить свой первый полет. Неизвестно, чем бы закончилась для нее последняя история, если бы садовник вовремя не заметил на дубе ее ярко-красное платье. Он подбежал как раз в тот момент, когда девочка прыгнула, размахивая руками, словно крыльями. Тогда старик успел поймать крошку, но, пролетая мимо последней ветки, девочка все же умудрилась распороть о торчащий сук ногу. Рана была глубокой и серьезной, и шрам должен был остаться как воспоминание о глупости и отваге юной Александры.

Чтобы избежать дальнейших недоразумений, за Александрой установили пристальный контроль. Денно и ночью гувернантка следила за девочкой, не сводя с нее глаз. И вдруг в один из дней, после прогулки с той самой гувернанткой, Саша, как ласково называли ее родители, заболела. Она слегла с температурой, а на следующее утро врачи озвучили свои самые страшные подозрения – двусторонняя пневмония. Болезнь, как оказалось позже, развилась давно, но из-за чересчур активного и подвижного характера девочки никто даже на миг не мог подумать, что с ней может быть что-то не так.

Узнав о своей болезни, Александра слишком мудро отнеслась к новому состоянию. Она не плакала и не грустила. Она смотрела на родителей взглядом, полным разумной безнадежности и обреченности, чем ужасно пугала их, давая понять, что принимает свою участь.

Не в силах смотреть на дочь, угасающую в ужасных муках, Виктор перестал навещать девочку. Он не мог смириться с ее болезнью и решил просто отстраниться, желая оставить в памяти ее улыбающиеся глаза и зазорные ямочки на розовых щечках.

Все случилось спустя неделю, после того как доктор сообщил родителям о безнадежности ожиданий и о скором исходе болезни.

Александра лежала в своей постельке, укрытая одеялом, находясь в состоянии полного изнеможения. За время болезни ее любимым занятием стало наблюдение. Наблюдение за всем, что ее окружает.

Сейчас она следила за маленькой точкой на потолке, которая осторожно передвигалась в сторону окна.

Вдруг тихо скрипнула дверь, и маленькая Саша отвлеклась от своего занятия, чтобы посмотреть на вошедшего.

– Мама? – удивленно произнесла девочка.

Мама почти целый день не заходила к ней, намеренно отправляя вместо себя няню. Поэтому, затаив обиду, Саша, вместо того, чтобы уделить вошедшей женщине хоть чуточку внимания, вернулась к наблюдениям за своей точкой.

Точкой была небольшая муха, которая по законам природы должна была попасть в едва заметную сеть, расставленную маленьким паучком в углу Сашиной комнаты. Саша давно уже решила, что паучок теперь ее единственный друг, он часто спускался, зависая над ее лицом на тонкой ниточке. Словно это жуткое для всех существо понимало всю горечь Сашиного положения. И вот как раз в тот момент, когда маленькая мушка уже подбиралась к ловушке, Элизабет ладонью дотронулась до щеки дочери.

– Не сейчас, – буркнула Саша, продолжая следить за естественным ходом природы. – Это закон жизни, кто-то умирает, а кто-то живет. Естественный отбор. Ты ведь понимаешь?

Она посмотрела на мать таким понимающим взглядом, что Элизабет невольно сжалась. Столько мудрости сейчас таилось в сердце ее маленькой принцессы. Столько понимания всего происходящего.

Да, это ее дочь. Она не стонет и не терзается. Она с достоинством принимает удар, уготованный ей судьбой.

Но Элизабет не допустит этого. Она пришла для того, чтобы все исправить. Она не могла позволить своей смуглой девочке покинуть этот мир, так и не почувствовав жизни.

– Как ты себя чувствуешь? – ласково приглаживая липкие волосы дочери, спросила Элизабет.

– Скоро за мной придут ангелы, – не беспокоясь о том, как ее слова воспримет мама, спокойно ответила Саша.

Элизабет почувствовала холод, сквозивший в словах дочери, сглотнула комок, подкативший к горлу, и нервно приложила ладонь к пылающему лбу девочки.

– Зачем ты пришла? – не отрываясь от наблюдений, спросила Саша. – Не приходила так долго, могла не утруждаться.

– Я пришла помочь тебе.

– Мне поможет только чудо, и ты это знаешь. Ты же не волшебница, – с вызовом бросила Саша и отвернулась к окну.

Элизабет смахнула набежавшую на ресницы слезу и прошептала упавшим голосом:

– Закрой глаза.

Саша перевела взгляд на маму, лишь на мгновение задумалась, но, решив, что хуже уже не будет, послушно сомкнула веки.

Она почувствовала, как мама положила руку ей на лоб, и тут же ощутила странное тепло, исходящее от ее влажной ладони. Тело наполнилось невесомостью. Саша попыталась открыть глаза, но что-то мешало ей. Она так и лежала в темноте, чувствуя, как по телу разливается тепло, наполняющее ее силами. И боль, столько времени безжалостно ломающая ее кости, начала отходить, оставляя о себе лишь воспоминания. Тело вновь наполнилось силой и огнем жизни.

Саша сделала глубокий вдох, ее грудная клетка словно распахнулась навстречу свежему воздуху. И, почувствовав, что боль окончательно ушла, Саша открыла глаза и села.

Она была одна. Свежий воздух, который наполнил Сашины легкие, попал в комнату через распахнутое настежь окно. В комнате вновь стало светло.

Саша перевела взгляд на окно. Яркий солнечный свет не резал глаза, как прежде, а наоборот, играл забавными солнечными зайчиками, прыгая по светлым стенам. Саша засмеялась, и ее смех колокольчиками зазвенел в стенах до недавнего времени мрачной комнаты. Еще совсем недавно здесь царили грусть и скорбь, а теперь словно зародилась новая жизнь.

Спрыгнув с постели, Саша почувствовала себя полной сил, но это было другое чувство, незнакомое и чужое. Саша выбежала в коридор в надежде найти маму и рассказать о своем исцелении.

– Мама! – радостно закричала девочка.

Но, несмотря на громкие крики, Элизабет не отвечала. Тогда Саша, прямо в пижаме, бросилась вниз.

– Мама! Я поправилась! Ты все же волшебница, – еще громче закричала она.

Но снова ответом на ее радость была тишина. Саша перебежала из комнаты в комнату, шлепая босыми ногами по венецианскому паркету, в надежде увидеть хрупкую фигуру Элизабет. Но той нигде не было.

Обежав весь особняк, Саша бросилась в кабинет профессора. Они часто проводили там дни и вечера, еще до болезни Саши. Это было последнее место в доме, где могла оказаться мама.

Словно ураган, Саша ворвалась в кабинет. Профессор сидел за столом и сквозь толстые стекла пенсне смотрел на странную вещицу, которую с интересом крутил перед носом. Саша радостно вскрикнула и бросилась со всей детской преданностью ему на шею. Она так крепко

сжала его тоненькими ручками, что профессор закашлялся. Он отложил кусок дерева и снял пенсне.

– Тише, милая, – улыбнулся профессор, глядя в светящиеся радостью ясные глаза дочери.

– Папочка! Я поправилась! Ты видишь, я могу ходить и снова играть! Я поправилась! – радостно прокричала девочка. Виктор немного отстранил дочь и заботливо потрепал ее по голове. Саша засмеялась.

Она так давно не видела столько радости в глазах отца. Может, бедам их семьи наконец-то пришел конец, и вновь в этом доме воцарится атмосфера веселья и любви?

Профессор был счастлив, об этом говорила его улыбка и теплый взгляд, но что-то в этой радости насторожило девочку, и, слегка отстранившись, она со всей своей детской умудренностью строго спросила:

– А где мама?

На одно лишь мгновение в глазах профессора мелькнуло что-то, очень похожее на грусть. Но, быстро взяв себя в руки, Виктор улыбнулся и ответил:

– Она ушла туда, где ей будет хорошо.

Саша сурово нахмурилась и отпрянула, сложив на груди руки.

– Где это? – строго спросила Саша. – Разве может быть место лучше нашего дома?

– Это немного другое место, – сдерживая грусть в голосе, ответил профессор.

Саша недоверчиво прищурилась и обернулась. На письменном столе стояла большая фотография Элизабет, в уголке которой чернела маленькая атласная ленточка.

Саша метнула в отца строгий взгляд и топнула ногой.

– Что это значит? Немедленно прикажи ей вернуться! – потребовала она.

– Когда-нибудь она вернется, – стараясь обнадежить дочь, ответил профессор. – Когда-нибудь мы с ней обязательно увидимся, а пока мы должны отпустить ее. Сказать ей, что любим, и отпустить.

– Нет! – требовательно крикнула Саша. – Я хочу к ней! Она не имеет права оставлять меня! Зачем тогда она сегодня приходила ко мне? Чтобы сейчас уйти?

Саша кричала, крепко сжав маленькие кулачки. Чувствуя, как разрывается его сердце, Виктор вскочил, подхватил дочь на руки и крепко прижал к груди. Горячие слезы заблестели на его смуглой щеке.

Девочка продолжала кричать и вырываться, колотя отца по спине, по голове, со злости пиная его ногами. А Виктор, безропотно выдерживая ее истерику, продолжал прижимать к себе беснующуюся девочку до тех пор, пока Александра не устала и не затихла, обмякнув в его руках.

– Зачем она приходила? Ведь я уже привыкла, что вас нет рядом. Пришла и ушла навсегда. Это нечестно, – всхлипывала девочка.

– Саша, мама ушла три дня назад, сегодня ты не могла ее видеть, – грустно ответил Виктор, понимая, что фантазия ребенка, воспаленная продолжительной болезнью, могла сыграть с ней злую шутку.

Вдруг Александра затихла, совсем. Она перестала всхлипывать и строго приказала отцу:

– Отпусти меня.

Виктор послушно поставил девочку на пол и сделал шаг назад. И вдруг замер. Он увидел в глазах своей дочери безразличие. Еще мгновение назад девочка билась в истерику, призывая к себе самого родного человека, а теперь ее взгляд потух. Он вытерла слезы и холодно посмотрела на отца.

– Если она ушла, значит, и я забуду о ней. Она больше мне не нужна, – сухо произнесла Александра и, гордо вскинув голову, вышла из кабинета, оставив профессора стоять, пораженного такой резкой переменой.

Александра сдержала слово. На протяжении последующих десяти лет девочка ни разу не вспомнила о женщине, которая ее родила. Виктор не знал, что произошло тогда в комнате, поэтому решил, что Саша просто пытается выразить таким образом свое детское недовольство, и предпочел оставить всю ситуацию так, как она есть. С выздоровлением девочки в доме профессора все наладилось. Девочка росла, профессор продолжал заниматься своими исследованиями, жизнь продолжалась.

Глава 2

Виктор вбежал в парадные двери своего особняка довольно резво для своего возраста. Легко преодолел лестницу, на ходу достал ключи от кабинета, в одно мгновение справился с замком, вбежал внутрь и быстро запер за собой дверь.

Часы показывали одиннадцать. Когда он вышел из аэропорта, сразу почувствовал за собой слежку, он ощутил ее интуитивно и несколько часов опасливо петлял по городу, стараясь завести преследователей в тупик. Лишь убедившись, что опасность миновала, он направился домой.

Первым делом необходимо было спрятать то, что он привез из Каира. Он чувствовал, что его находка может перевернуть все понимание египтологии как науки, но без доказательств и фактов это был всего лишь клочок бумаги.

Виктор оглянулся. Весь его кабинет был как на ладони. Каждая вещь лежала на своем месте. Книги ровными рядами стояли на полках, документы стопочками лежали на столе. Все выглядело так же, как всегда. И как перед его очередной поездкой в Египет.

Порядок был основной чертой жизни педантичного профессора, но только сейчас идеальный порядок, царивший в его кабинете, играл против своего хозяина. Ему нужно было спрятать свою находку. Спрятать так, чтобы никто не мог ее найти. Спрятать надежно. Но как спрятать что-то там, где любое изменение сразу бросится в глаза?

Виктор знал, что его дочь, которая за десять лет после смерти матери стала замкнутой и настороженной, все свободное время проводила или в своей обсерватории, или в кабинете отца. Он был уверен, что девушка обязательно обратит внимание на любую деталь, изменившуюся в кабинете. Даже если книги на полке переставить местами, Саша без труда найдет нужные и поставит на место. Он гордился этой чертой в характере дочери, но видит бог, именно сейчас Виктор не хотел, чтобы его девочка была вовлечена в эту грязную историю. Ведь он сам не знал, кто именно преследует его, понимал только, что эти люди невероятно опасны.

Виктор еще раз осмотрелся и вынул из внутреннего кармана пиджака темный рулон сомнительного происхождения. Сняв грязную, чудом не истлевшую от времени тряпку, он развернул заветный свиток, чтобы еще раз полюбоваться своей находкой. Восторг и гордость отразились на его морщинистом лице. Вдоволь насладившись находкой, он, нервно и опасливо оглядываясь, словно кто-то мог следить за ним, свернул свиток и трепетно прижал свое сокровище к груди. Этот свиток достался ему с огромным трудом, пришлось преодолеть немало сложностей, прежде чем он привез его домой.

Долгое время Сцаенский искал следы своей царицы, чтобы доказать, что Нитокрис не просто плод его воображения, а реально жившая женщина, правившая Египтом во времена древнего царства. Он знал, что на ней закончилась эпоха правления фараонов. Люди отождествляли фараонов с богами, а Нитокрис была последней принадлежащей к великому царскому роду, берущему свое начало во времена сотворения первого мира. Если верить легендам, то именно после ее смерти великие земли погрязли в трясине смерти. И новые цари занялись уничтожением всего, что напоминало о первых правителях, оставив только упоминание о богах как дань тому, кто создал мир.

Виктор жаждал открыть эту тайну на протяжении многих лет. Он не знал, к чему могут привести его поиски, но верил, что сможет открыть свету истину создания мира.

Он занимался раскопками в пустыне недалеко от фаюмского оазиса, когда к нему в палатку вошел странный бедуин преклонного возраста, одетый довольно бедно и неряшливо. Путник признался, что уже много дней бродит по пустыне в поисках одного затерянного храма. Виктор никогда не слышал упоминаний о том храме, поэтому помочь незнакомцу не мог. Он предложил гостю разделить трапезу и остаться на ночлег, чтобы искатель мог передохнуть.

Бедуин на удивление быстро согласился, и весь вечер они провели за беседой. Слегка разогревшись крепким вином, Виктор разоткровенничался и рассказал странную историю, произошедшую с его дочерью много лет назад. Странник слушал внимательно, но, казалось, не придавал значения словам захмелевшего профессора. После они уснули. А наутро Виктор не обнаружил странника в своей палатке. Карту же, которой незнакомец так гордился, профессор нашел в своей походной сумке.

В тот же день, едва солнце только раскалило белые пески пустыни, к лагерю профессора приблизилась группа всадников, одетых как его ночной гость. На лицах их были повязки, оставляющие открытыми только глаза – черные, глубокие, бездонные, словно ночь. Всадники плотным кольцом окружили лагерь профессора. Виктор впервые за всю свою археологическую деятельность испытал истинный страх. Но, стараясь придать голосу и виду беззаботность, все же заговорил с ними первый:

– Чем я могу вам помочь?

Один из всадников въехал в круг и заговорил:

– Прошлой ночью в нашей деревне ночевал человек. Он украл вещь, которая уже много веков принадлежит моему народу. Я хочу вернуть ее.

Всадник отчетливо описал того самого путника, которого накануне приютил Виктор. Так вот почему этот странный человек так неожиданно скрылся – он вор и, почувствовав за собой слежку, поспешил скрыться, чтобы его не настигли, а украденное предпочел спрятать там, где искать его точно никто не будет. Возможно, грабитель рассчитывал позже вернуться и забрать свою вещь у профессора.

Сам не понимая, почему он делает это, Виктор пожал плечами и ответил:

– В этой пустыне я не встречал никого... кроме вас, разумеется.

Профессор успел заметить, как всадник нахмурился. Судя по голосу, он был еще совсем молод, скрывая свой истинный возраст под черными одеждами.

Юноша смерил профессора презрительным взглядом. Затем его взгляд скользнул в сторону шатра профессора, и он хмуро сдвинул брови.

– Если вы встретите его, постарайтесь задержать. Этот человек вор и должен быть наказан, – предупредил всадник.

– Да, конечно же. Я так и сделаю, – солгал Виктор.

Юноша поднял вверх руку, отдавая приказ своим воинам. Развернул коня и галопом помчался прочь, поднимая за собой клубы пыли. Его люди последовали за предводителем. Но как ни старался странный гость придать себе вполне обычный вид, Виктор сразу понял, что это не простые бедуины, слишком уж их лошади были хороши и ухожены. А еще он заметил у одного из них блеснувшее под черной грязной рубахой украшение из чистого золота. Скорее всего, это был амулет. Они были не теми, кем хотели казаться.

Когда всадники исчезли из виду, Виктор бросился в свою палатку. Он уже знал, что именно они ищут, но не мог понять, что может быть важного в этом странном свитке. Дрожа от предвкушения, он развернул тряпку, затем и сам свиток, ожидая увидеть нечто совершенно нереальное. Как же он был разочарован, увидев то, что оказалось внутри. Это на самом деле была карта, но кроме длинной извивающейся, словно змея, реки, на ней ничего не было. Ни знаков, ни признаков того, что на ней когда-либо что-либо было нарисовано или нанесено, это был практический чистый холст. Зачем тогда вокруг него подняли такую шумиху?

– Надо отвезти находку домой, – решил профессор.

В спокойной обстановке он попытается разобраться с этой тайной. Может быть, на карте что-то написано невидимыми красками или зашифровано? Есть множество способов разгадать эту тайну.

Единственной проблемой мог стать вывоз свитка из страны, но и эту проблему можно решить, если заплатить кому надо.

Под покровом следующей ночи Виктор бежал из собственного лагеря, оставив раскопки и людей.

Конечно, Виктор рассчитывал сделать это незаметно, чтобы вывезти приобретенную реликвию в Россию, а затем так же незаметно вернуться обратно, пока его не хватились, и продолжить раскопки. Но в аэропорту он почувствовал слежку и вспомнил слова бедуина. Значит, его неизвестный гость все же выследил его. Возможно, это и было его планом. Он дождался, пока реликвия покинет страну, а затем намеревался заполучить ее обратно. Но Виктор оказался умнее и опередил своего невидимого врага на несколько шагов.

Сейчас он дома, в безопасности, в собственном кабинете. Но столкнулся с новой проблемой: он не знает, что делать дальше.

Первым желанием было спрятать сверток в камин, привязав за крюк внутри трубы, но представив, что на дворе стояла ранняя осень, а в такое время камин топился довольно часто, Виктор отказался от этой затеи. Он не знал, какой информацией сумел завладеть, и возможно, то, что он держал в руках, имело слишком большую ценность для истории, и было бы преступлением так глупо уничтожить одну из загадок истории. Виктор метался по кабинету в поисках тайника для свитка.

На миг он остановился и снова осмотрелся. В этот момент сверху, в обсерватории, расположенной над кабинетом, послышались шаги. Виктор вскинул голову и прижал свиток к груди.

Прямо над кабинетом находилась одна из комнат Саши. Год назад Виктор обустроил из заброшенной круглой комнаты над кабинетом уютную обсерваторию, для того чтобы Александра могла часами предаваться любимому занятию – наблюдению за звездами.

Виктор нервно взглянул на часы. Почему Саша не спит в такое время? Обычно Нина, женщина, которая присматривает за девочкой, отправляет подопечную спать сразу после десяти. Вероятно, это не она.

Виктор напрягся. Он протянул руку к столу, где хранил оружие. Пистолет был старинным и, скорее всего, нерабочим, но в критической ситуации мог послужить хорошим пугачом. Почувствовав в руке тяжесть оружия, Виктор обошел стол и спрятался в нише между книжными стеллажами.

Из обсерватории в кабинет можно было пройти только одним путем, по винтовой лестнице. Послышался скрип открывающегося люка, и на лестницу упал столб света, освещая лишь небольшое пространство перед идущим.

Одинокая фигура появилась в луче света и сделала первый шаг на верхнюю ступеньку. Виктор сразу узнал дочь. Он убрал оружие и вышел из своего укрытия.

– Почему в столь позднее время вы, юная леди, еще не спите? – строго спросил Виктор. Александра, застигнутая врасплох, вздрогнула и застыла на месте.

– Я не ясно сформулировал свой вопрос? – тем же тоном повторил профессор, приближаясь к лестнице.

После смерти жены он старался воспитывать дочь в строгости, заставляя следовать четким правилам, придерживаясь определенной дисциплины, во многом ограничивая ее свободу.

Александра не ходила в обычную школу, обучалась всему на дому. Девочке запрещалось смотреть телевизор и слушать современную музыку. Ее внутренний мир был огражден от грязи реальной жизни, и девочка в своей замкнутости очень отличалась от сверстниц, которые в ее возрасте уже забивали себе голову мечтами о прекрасных принцах и сказках о волшебной силе любви. Саша была другой.

С детства она занималась точными науками и мечтала когда-нибудь отправиться с отцом в свою первую экспедицию. Виктор гордился дочерью, но даже в те моменты, когда она его радовала, не позволял девочке хоть на шаг отступать от принятого в этом доме свода правил.

– Я спустилась за книгой, – виновато ответила Александра.

Она даже не успела обрадоваться его возвращению. Как девочке ни хотелось броситься на шею отцу и крепко-крепко обнять его, зная, что этот поступок может навлечь недовольство отца, Саша сдержалась.

Она так редко видела отца, а он так быстро старел из-за изнуряющего образа жизни, проводя все время под палящим солнцем в засушливой и мертвой пустыне. Его кожа с каждым годом становилась все темнее, все больше морщин покрывало его лицо. Волосы, выжженные безжалостным солнцем, давно уже обрели медный оттенок. Он старел, а Саша этого не видела.

Виктор продолжал сверлить дочь строгим взглядом.

– Я не знала, что ты вернулся, – попыталась оправдаться Саша.

Но профессор, не обращая внимания на плохо скрытую тоску в голосе дочери, строго приказал:

– Немедленно поднимайся в свою комнату. Завтра я поговорю с Ниной...

– Нина не виновата, – заступилась Саша за своего единственного друга. – Я не могла уснуть и поэтому решила немного почитать.

Виктор строго посмотрел на дочь и одним лишь жестом показал ей, что прощает ее откровенное непослушание, но непременно запомнит. Он отвернулся, а Саша, стараясь больше не тревожить отца своим присутствием, быстро поднялась наверх. Скрипнула крышка люка, и кабинет профессора вновь наполнился тишиной и темнотой.

На душе профессора заскреблись кошки, ведь никогда прежде он не был настолько груб с дочерью. Он почувствовал легкий укол совести, но попытался отогнать от себя эти мысли. Он любил девочку, всегда любил. Она была его лучиком света, смыслом жизни, но если в детстве Александра приносила море радости, то по мере того, как девочка выросла и становилась все больше и больше похожей на свою мать, Виктор начал острее ощущать боль утраты. Именно поэтому он активно занялся археологией и старался как можно реже появляться дома. Конечно, он часто писал дочери теплые и трогательные письма, но при встрече одного лишь взгляда на точную копию умершей жены хватало Виктору, чтобы потерять самообладание и вновь ощутить во рту горький привкус утраты. Поэтому-то он и старался устраниваться, закрыться и погрузиться в свое одинокое уныние.

Александра привыкла к тому, что ее появление вызывает такую странную реакцию у отца, и давно уже смирилась с тем, что из любимой дочери она стала изгоем. Старый профессор вытеснил из своего сердца единственную дочь, и ее место надежно занял Египет.

Оставшись наедине со своими мыслями, Виктор снова осмотрелся, и вдруг заветное место, которое сможет надежно укрыть священную реликвию от глаз искателей, само обратило на себя внимание.

Виктор радостно улыбнулся, довольный своим решением, и древнеегипетский сверток, хранивший в себе, возможно, самую старую из всех тайн, существующих на земле, исчез в своем тайнике.

Глава 3

Оставив отца, Александра вернулась в обсерваторию. Надстроенная над кабинетом, комната располагалась на одном уровне с жилыми комнатами, занимавшими весь второй этаж, и соединялась с ними широким карнизом, идущим по периметру всего дома.

Саша быстро научилась использовать карниз как единственный невидимый для строгих глаз няни путь в свое укромное и любимое место и теперь каждый вечер незаметно проникала в свою тайную комнату.

Весь первый этаж дома занимали залы, обеденный, танцевальный, гостевой, а также кабинет, библиотека и столовая. Саша появлялась внизу очень редко и только по необходимости, все остальное время она проводила в обсерватории.

Каждый вечер, когда свет по всему дому был погашен, Саша перебиралась в обсерваторию, и, распахнув все окна, часами сидела, наблюдая за одной лишь звездой. За той самой, которую впервые увидела в день, когда она в последний раз видела Элизабет.

В этот день она не изменила традиции и незаметно пробралась в свое убежище. Но вечер, в отличие от вчерашнего, оказался пасмурным, и непривычная для этого времени года облачность плотно заволочла черное небо, спрятав звезды и даже белый круг полной луны. Разочаровавшись, Саша решила провести вечер за чтением книги в отцовском кабинете, где и была поймана с поличным и строго отчитана.

Застав отца в кабинете, Саша удивилась его странному поведению, но, вопреки строгому приказу, не отправилась в свою комнату, а выбралась на карниз и села, свесив вниз ноги. Еще долго она следила за узкой полоской света, льющейся из кабинета. Она видела тень отца, нервно расхаживавшего из стороны в сторону, и грустила.

Когда свет погас, Саша тяжело вздохнула и отправилась в свою комнату.

Утром, когда солнце украдкой проникло в комнату и заиграло бликами в золотом тиснении, которым были отделаны стены, Саша вскочила с постели, на ходу накидывая махровый халат, и босиком сбежала вниз, в столовую, чтобы встретиться с отцом. Она знала, что по утрам профессор всегда находился в прекрасном расположении духа и редко когда отказывал в общении единственной дочери.

С верхней площадки Саша почувствовала дивный запах свежеспеченных вафель. Значит, профессор все же дома и уже проснулся, так как кухарка никогда не готовила завтрак, не спросив предварительно у Саши, что она будет есть.

Вбежав в столовую, Саша замерла на пороге от неожиданности, и радостное настроение сменилось искренним удивлением.

За столом с видом истинной королевы, держа вилку тремя пальцами, как и полагалось даме из высшего общества, сидела Сашина троюродная бабушка по линии отца – Мартина.

Мартина была из тех женщин, которые верили, что родились с золотым крестом на шее, в шелках и с золотой погремушкой в руке. Она была истинной леди. Последней дочерью русского герцога, эмигрировавшего во время революции во Францию, а затем в Англию. Прадед Саши был из тех дворян, кто во время побега умудрился прихватить с собой все фамильное имущество, что обеспечило ему и его семье безбедную жизнь в чужой стране.

– Гренни? – разочарованно протянула Саша.

«Гренни» – так Саша с детства называла бабушку. Мартине не совсем нравилось это прозвище, но как истинная леди она не подавала виду.

Мартина смерила внучку строгим и недовольным взглядом.

– Ты ожидала увидеть кого-то другого, душа моя? – ледяным тоном спросила Мартина. – Почему на тебе этот ужасный балахон? И что с твоей прической? Я говорила твоему отцу, что тебе нужна гувернантка, а не эта бестолковая простолюдинка, как ее...

– Ее зовут Нина! И она не простолюдинка, – попыталась защитить свою любимицу Саша. Запахнув полы халата и подвязавшись толстым поясом, Саша плюхнулась за стол напротив бабушки и налила в стакан апельсиновый сок.

Лицо Мартины приняло комически серьезный вид. Ее тонкие брови собрались на переносице, губы сжались в тонкую линию, а острые скулы нервно заходили – это означало, что она злится.

– Только не говори мне, что собираешься завтракать в таком виде! – возмущенно воскликнула Мартина.

– В каком таком? Гренни, я у себя дома, на дворе двадцать первый век. Что такого ужасного в моем виде? – в притворном ужасе выкатив глаза и всплеснув руками, воскликнула Саша.

– О, Отец наш всемогущий. – Мартина отложила вилку и осенила себя крестом. – А ведь я просила твоего отца позволить мне воспитывать тебя, когда твоей матушки не стало. Я воспитала одна Дмитрия. Он вырос достойным джентльменом, и с его манерами даже при дворе ныне здравствующей королевы я ни на секунду бы не покраснела за мальчика. А ты...

Саша закатила глаза и уже собиралась демонстративно покинуть стол, чтобы скрыться от нарастающего неудовольствия назойливой родственницы, когда в дверях появился тот самый объект обожания, о котором только что говорила Мартина.

– Марти, хватит нападать на несчастную девочку, – с улыбкой сказал Дмитрий и, заметив вспыхнувший блеск в глазах своей юной родственницы, раскинул руки.

– Митя! – радостно взвизгнула Саша и бросилась в объятия любимого брата.

Если она и готова была терпеть присутствие этой несносной родственницы, вечно пытающейся привить ей манеры истинной леди, то только ради Мити.

Митя был единственным внуком Мартины. Его родители погибли в автокатастрофе, когда мальчику едва исполнилось десять, и Мартина как единственный родственник сироты взяла на себя заботу о мальчике. Он получил лучшее образование, достойное его происхождения. Жил в роскоши и воспитывался как герцог.

Митя был старше Саши всего на четыре года, но все воспринимали его как взрослого мужчину, а ее же как назойливую и непослушную девочку.

Митя был высоким, на две головы выше Александры, светловолосым, светлокожим, в общем, настоящим красавцем-аристократом – принцем голубой крови. Его манеры были идеальными, а общаясь с девушками, он проявлял небывалое мастерство оболыщения. Не одна красавица пала к его ногам, покоренная этим голубоглазым ловеласом.

Заметив фамильярность, с которой юная Александра бросилась на шею Дмитрию, Мартина сдержанно поднялась и строго произнесла:

– А сейчас, юная леди, ты немедленно отправишься в свою комнату и переоденешься. Неприлично принимать гостей в таком виде.

– Марти. Мы же не гости, – снова вступился за кухню Митя, улыбаясь строгой бабушке, стараясь сгладить ее недовольство.

Только так ему удавалось тронуть ее сердце, и на этот раз его хитрость сработала. Мартина тяжело вздохнула, не в силах противиться магнетическому взгляду своего голубоглазого мальчика, и опустила на место.

– Спасибо, – шепотом поблагодарила его Саша.

– Всегда пожалуйста, милая! – ласково ответил Митя и, подмигнув сестре, сел за стол.

Остаток завтрака прошел в непринужденной обстановке, даже несмотря на то, что Мартине очень хотелось отправить строптивую внучку в ее комнату, а Саше – поскорее расспросить брата о том, что так неожиданно привело их в Россию.

Завтрак закончился, Мартина, с присущим ей величием, пожелала детям приятного дня и отправилась в свою комнату, чтобы передохнуть. Саша знала, что если Мартина удалилась,

то до обеда ее можно не ждать, поэтому, едва дверь за пожилой женщиной закрылась, девушка радостно вскрикнула:

– Я так рада, что вы приехали! Но как? Почему ты не сказал мне вчера, что вы с Гренни собираетесь навестить нас? Я бы подготовилась к твоему приезду.

Саша имела в виду свой внешний вид, который так расстроил старушку. Обычно девушку предупреждали о визитах бабушки заранее, и прежде Саша не разочаровывала родственницу. Это был ее первый грубый промах.

С детства Митя с Сашей были очень близки, несмотря на дальность своего родства, они всегда считали себя братом и сестрой. Им обоим приходилось держать в тайне буйность своего характера, пряча истинные эмоции за маской благородства. И в любой момент они готовы были прийти друг другу на помощь, поддержать в беде. Когда Мартина покинула столовую, с Митей произошла та самая перемена, которую он тщательно скрывал. Ведь стоило зорким глазам бабушки потерять любимого венценосного отпрыска из виду, как юноша менялся на глазах. И на этот раз Митя не разочаровал кузину и первым делом, едва закрылась дверь, молодой человек выдохнул и, дожевывая вафлю, тряхнул головой.

Легким движением руки он провел по волосам и растрепал идеально приглаженную прическу. Длинная косая челка упала ему на глаза, придавая вид лощеного хулигана. Затем он расстегнул две верхние пуговицы дорогой рубашки, так давившие шею, и закатал рукава. В Мите удобно сосуществовали три его личности: первая, для бабушки – воспитанный, с великолепно вышколенными манерами юноша высшего света, вторая, для близких и друзей – добрый и отзывчивый, умеющий понимать и прощать, и третья, последняя, та с которой Саша никогда прежде не встречалась, но всегда предполагала, что она есть – в обычной жизни с малознакомыми людьми Митя был совершенно невыносим, высокомерен и заносчив. Персонам, которые не знали его лично, он казался напыщенным и самовлюбленным болваном, который считает, что весь мир и все его обитатели просто обязаны крутиться вокруг него.

Саша ехидно хихикнула, представив, что случилось бы с Гренни, зайдя она сейчас в столовую и заметь своего любимчика в таком виде.

– Ну, рассказывай! Как так случилось, что ты вчера еще был в Англии, а сегодня я застала тебя в своей столовой?

– Не знаю, Сань, – поворачиваясь к сестре, ответил Митя. – Вчера Марти пришла ко мне в комнату, когда я уже собирался ложиться спать...

Саша засмеялась, услышав столь откровенную ложь. Она точно знала, что стоило Марти удалиться ко сну, пожелав внуку приятных сновидений, как Митя выскальзывал через окно и, незаметно пересекая задний двор, отправлялся на поиски приключений. Один раз Митя даже показывал ей вырезку из газеты, где непутевого наследника герцогини Юдолиной сфотографировали в компании других таких же титулованных отпрысков благородных фамилий отдыхающими в одном из ночных клубов Лондона.

От скандала Митю спасло только то, что бабушка не узнала в напыщенном пижоне, изображенном на фотографии, своего золотого мальчика. Она даже прогнала подругу, принесшую ей эту позорную новость. С тех пор никто не решался на подобную глупость, зная слепую веру герцогини в свое сокровище и боясь быть обвиненным во лжи. Вот они – слепая родительская любовь и вера.

– Ну хорошо, ты поймала меня. Я уже собирался уходить, когда она влетела в комнату, словно ураган, что, как ты знаешь, ей не свойственно, – смеясь, поправился Митя. – Так вот, она была слегка встревожена, как мне показалось, и слегка – это мягко сказано. Сказала, что мы должны срочно лететь в Питер, к тебе. Что твой отец отправился в очередную экспедицию и очень просил в его отсутствие не оставлять тебя одну. Вот так мы оказались здесь.

– Значит, папа опять уехал, – грустно вздохнула Саша, – а вы вроде как мои сиделки. Ну да ладно. Я все равно рада, что ты приехал. И предлагаю сегодня устроить соревнования на каноэ.

– Согласен, – поддержал затею Митя и закинул в рот последнюю вафлю.

– Я только переоденусь, – радостно вскочив, воскликнула Саша. – Встречаемся на причале через пятнадцать минут.

Саша выбежала, оставив Митю допивать ароматный кофе.

Ровно через пятнадцать минут они оба уже стояли на причале небольшого озера, на берегу которого и раскинул свои крылья огромный особняк Сцаенских.

Ярко светило солнце, и день обещал быть теплым. На Мите были черные шорты и белая футболка, на ногах шлепанцы. Все было просто, но с лоском и присущим лорду изыском.

Саша предпочла привычному для себя удобному спортивному костюму легкое хлопковое платье, на тот случай, если вдруг Гренни все-таки решится выглянуть в окно. Ведь увидев Александру в платье, Гренни не станет поднимать шум, и Саша заработает один балл одобрения в свою копилочку.

Каноэ, на которых так любили соревноваться ребята, были самыми что ни на есть настоящими, привезенными из Северной Америки. Каркас, выжженный из цельного ствола дерева и обтянутый древесной корой, имел заостренный нос и корму.

Несколько лет назад профессор привез дочери в подарок на день рождения две деревянные лодочки, сделанные руками настоящих индейцев. И каждый раз, когда Митя приезжал погостить в дом профессора, ребята устраивали соревнования по собственным правилам: каждый из участников должен был переплыть на другой берег, используя только одно весло, там сорвать бархатный початок рогоза и со своим трофеем как можно скорее вернуться обратно. Судил их, как обычно, Павел, пожилой садовник, некогда спасший Александре жизнь. Обычно соревнования проходили в веселой и непринужденной обстановке, под аккомпанемент заливающего Сашиного смеха и колких подначек Мити.

Ребята сели каждый в свою лодку и приготовили весла.

– Готовься! – крикнул Павел и поднял руку.

Павел засвистел, и каноэ нос к носу сорвались с места, сопровождаемые всплеском воды и громким смехом гребцов.

Саша налегла на весло и сразу после старта вырвалась вперед. Но не успела она насладиться успехом, как Митя, заметно отставший, окликнул ее.

Саша обернулась.

– Алекс, смотри, – Митя указывал рукой в сторону дома.

Сначала Саша решила, что брат решил обмануть ее, отвлекая от игры, и на ее лице мелькнула хитрая улыбка, но, присмотревшись к дому, она заметила, что привлекло Митино внимание. После старта Митя случайно оглянулся и увидел, что окно в кабинете профессора было настежь распахнуто.

Саша знала, что отец никому не разрешает заходить в кабинет во время своих частых отлучек. Даже убирали кабинет с особой осторожностью, стараясь не нарушить установленный там порядок. И факт того, что окно, еще пару мгновений назад плотно закрытое, теперь было настежь распахнуто, насторожило девушку.

Саша развернула свое каноэ и подплыла к брату.

– Может, твой отец дома? – спросил Митя, пристально всматриваясь вглубь кабинета.

– Не думаю. Если бы он был дома, то обязательно присоединился бы к нам за завтраком, – настороженно ответила Саша. – Разворачивайся. Мы должны все проверить.

Они развернулись и быстро причалили к берегу. Спрыгнув на берег, они стремглав понеслись к дому, совершенно забыв о Павле, который, решив, что это очередная блажь золотых отпрысков, лишь удивленно пожал плечами и, привязав лодки, поплелся в оранжерею.

Причал находился всего в двухстах метрах от дома. Саша на несколько шагов опережала брата и вот-вот уже могла оказаться у окна.

– Почему мы бежим? – спросил Митя, догоняя разогнавшуюся сестру.

– Если это папа, я хочу его увидеть, пока он снова не ухал.

– А вдруг это кто-то чужой?

– Тем более мы должны поторапливаться.

Митя схватил Сашу за руку и остановился.

– Алекс, стой! Это может быть опасно. Конечно, есть вероятность, что это Мартина решила подобрать себе какую-нибудь книгу, чтобы скоротать день. Но вдруг это чужой? Ты подумала, что мы будем делать?

Саша состроила гримасу и фыркнула.

– Трусишь? – поддразнила она брата.

– Вот еще, – отмахнулся Митя и, понимая, что другого выбора у него нет, решительно сказал: – Идем!

Саша радостно вскрикнула, приподняла платье и бросилась к дому. Через минуту она уже была возле нужного окна. Осмотрелась. Окна кабинета располагались в двух метрах над землей, и пробраться внутрь незамеченными было просто невозможно.

На земле не было видно ни следов лестницы, ни какого-либо предмета, с помощью которого можно было беспрепятственно проникнуть внутрь. Значит, это все-таки кто-то свой, решила девушка и слегка успокоилась.

Научившись за долгие годы с легкостью справляться с препятствиями, Саша подпрыгнула и ловко ухватила рукой за резную решетку, служившую скорее украшением, нежели защитой. Затем уперлась ногой в стену и, схватившись второй рукой за подоконник, нырнула в открытое окно.

Митя только присвистнул при виде такой феноменальной ловкости сестры. Ему это препятствие далось несколько сложнее.

Саша оказалась в комнате на пару секунд раньше брата и сразу осмотрелась.

В кабинете все было так же, как накануне, когда она последний раз разговаривала здесь с отцом. Никаких следов присутствия постороннего она не заметила.

– Ну, что тут? – услышала она за спиной голос брата.

– Пусто, – разочарованно протянула Саша.

– Может, это кто-то из слуг? – осмотревшись, предположил Митя.

– Возможно, – пожала плечами Саша.

Предвкушение азартного приключения испарилось. Все было слишком обыденно и просто. Они уже собирались уйти тем же путем, что и пришли, когда Саша случайно бросила взгляд наверх, на лестницу, ведущую в ее обсерваторию.

– Что там? – спросил Митя, заметив, как странно сестра смотрит на открытый люк.

Саша прижала палец к губам, показывая, что надо молчать, и на цыпочках направилась к лестнице. Митя пожал плечами, не понимая, что так насторожило девушку, и Саша шепотом пояснила:

– Я точно помню, что вечером закрыла за собой люк.

Митя понимающе кивнул. Взглядами они договорились, что Саша пойдет по лестнице, а он попытается настигнуть преступника через окно. Митя исчез в окне.

Саша легкой поступью поднялась по винтовой лестнице и оказалась в обсерватории. Одного лишь взгляда ей хватило, чтобы оценить обстановку. Она уже поняла, что в помещении прячется кто-то посторонний. И единственным местом, где мог скрываться незваный гость, был огромный письменный стол, находившийся в комнате.

Стол стоял в самом центре.

За окном появился запыхавшийся Митя. Он уже успел вскарабкаться по решетке и теперь стоял на парапете возле открытого окна, ожидая Сашиного сигнала. Закрыв за собой крышку люка, Саша подмигнула брату и направилась к столу. Если ее предположение окажется верным, то она застигнет грабителя врасплох.

Саша обошла вокруг стола и, сложив руки на груди, строго приказала:

– Выходи!

Реакции в ответ не последовало. Саша взялась рукой за спинку стула, чтобы отодвинуть его в сторону. Она была уверена, что преимущество на ее стороне. И совсем не ожидала, что в этот момент, решив воспользоваться нерасторопностью хозяйки, тот, кто прятался под столом, резко выпрыгнет из своего укрытия и со всей силы толкнет массивный стул на девушку.

Пока Саша пыталась преодолеть внезапно появившееся препятствие, грабитель бросился к люку. Но каково же было его удивление, когда он обнаружил, что путь к отступлению закрыт.

Саша наконец-то справилась с тяжелым стулом, скинув его с себя, и бросилась за незнакомцем.

Понимая, что он в ловушке, гость резко развернулся и встал в стойку, встречая несущуюся на него Сашу.

Одет он был в просторную черную тунику, заправленную в широкие черные шаровары, голову его и лицо скрывала куфия, оставляя открытыми только глаза, на ногах его были черные тапочки, больше напоминавшие чешки.

– Ты кто такой? – крикнула Саша, принимая оборонительную стойку, готовая отразить атаку незнакомца, если это понадобится.

Она также знала, что если понадобится, то и Митя в любой момент придет ей на помощь. Но пока помощь не требовалась, и Саша жестом приказала Мите ждать в засаде. Саша была уверена, что справится сама.

Незнакомец поменял опорную ногу, склонил голову вбок, что, вероятнее всего, означало насмешку над противником, и легко присел на полусогнутых ногах. Весь его вид говорил, что настроен он не серьезно. Для него это всего лишь игра, шуточный бой. Но в то же время взгляд его был сосредоточен. Он, словно кобра, внимательно следил за девушкой, готовый в любой момент сделать выпад вперед и совершить свой смертельный укус.

Так они стояли друг напротив друга, не предпринимая каких-либо действий. Каждый ждал действия другого, не решаясь напасть первым.

Вдруг незнакомец сделал выпад, Саша машинально шагнула в сторону, и, воспользовавшись моментом, черный гость рванул к окну, рассчитывая за пару шагов преодолеть это небольшое расстояние.

Предугадав его маневр, Саша так же неожиданно прыгнула ему навстречу, повернулась вокруг себя и, выбросив вперед ногу, повалила незнакомца на пол и быстро вскочила верхом, подминая его под себя.

За окном раздался громкий подбадривающий свист Мити.

– Кто ты такой? – крикнула почти в ухо грабителя Саша.

Она рванула со всей силы за край куфии и сорвала платок с головы незнакомца. Тот продолжал лежать ничком на полу, поэтому Саша смогла рассмотреть лишь его затылок и черные, словно шелк, волосы, доходившие ему до плеч. Разозлившись, Саша хлопнула наглеца по затылку и крикнула:

– Отвечай!

В тот же миг незнакомец сделал последний рывок. Он резко выпрямился, изогнулся, словно гусеница, перекатился и без труда сбросил с себя едва ощутимую тяжесть. Теперь Саша оказалась под ним.

Саше представилась превосходная возможность досконально изучить грабителя. На вид ему было не более двадцати лет – смуглая кожа, красивый овал лица, большие черные выразительные глаза и ровные, чуть полные губы. Он был похож на принца из восточных сказок.

Юноша улыбнулся Саше, обнажая белые зубы, и пока девушка удивленно пялилась на него, быстро отскочил назад и бросился в сторону окна.

Но там его уже ждала другая преграда. Митя, все это время спокойно следивший за поединком сестры и видя ее превосходство, понял, что Саша на время потеряла контроль над ситуацией, и поспешил на помощь. Случилось так, что он уже завис в проеме окна, когда незнакомый юноша бросился в сторону единственного пути отступления. Митя выпрямился, закрывая собой всю ширину оконного проема. Он уже представил, как намет шею подонку, посмевавшему напасть на его сестренку, когда юный гость без промедления бросился на свою преграду. Он с легкостью вышиб Митю из окна, и они оба полетели вниз.

Саша только и успела заметить, как их фигуры, крепко переплетясь, одновременно исчезли из виду.

– Митя! – крикнула девушка и бросилась к окну.

Высота двухэтажного особняка была примерно метров двенадцать, и падение с такой высоты не сулило ничего хорошего. Сашу охватила паника.

Она выглянула в окно и, к своему удивлению, увидела, что незнакомец, словно кошка, приземлился на мягкую траву, ни на секунду не потеряв равновесия. Затем резко выпрямился и отряхнулся. Он бросил последний взгляд в сторону окна, из которого только что выпрыгнул, и сделал прощальный жест рукой. Саша расценила этот жест как насмешку. Через мгновение он уже исчез в диком кустарнике, окружавшем особняк, так же неожиданно и незаметно, как появился.

Саша перегнулась через подоконник, ожидая увидеть бездвижное тело брата, и посмотрела вниз. Мити нигде не было.

– Митя! – в панике крикнула она.

Снизу послышалось ворчание, затем хрип, и зазвучал родной голос.

– Не кричи, – проворчал Митя.

Саша присела, держась рукой за оконную раму.

Митя из последних сил держался за выступ на карнизе, болтаясь прямо под окном. Саша протянула руку и помогла брату вскарабкаться на карниз. Оказавшись в безопасности, Митя потер ушибленное колено и недовольно спросил:

– Кто это был?

– Не знаю, – призналась Саша. – Я его раньше не встречала.

– Странный парень, ты видела, как он приземлился? Словно гепард, даже не дрогнув, просто выпорхнул в окно и опустился на землю.

– Я видела, только не могу понять, что все это значит. Тебе не кажется подозрительным, что после возвращения папы из Египта следом за ним прибывает смуглый незнакомец с типично восточными чертами лица и что-то разыскивает в нашем доме?

– А что он мог искать?

– Не знаю, но мы выясним это. Если следовать своим мыслям, то напрашивается вывод – в доме он не нашел того, за чем пришел, иначе не прятался бы, а просто бежал. Когда я вчера случайно встретила с папой, он явно нервничал и что-то прятал. Мне кажется, наш гость пришел что-то вернуть.

Митя нахмурился и подозрительно посмотрел на сестру. Она продолжила:

– Если он не нашел то, за чем пришел, значит...

– Ты думаешь, он вернется? – с надеждой на скорую возможность отомстить улыбнулся Митя, и в его глазах блеснул чертенок.

– Я думаю, он обязательно вернется, а мы тем временем найдем то, что ему надо, и будем ждать нашего нового друга. Мы устроим ему засаду.

Сашины глаза загорелись азартом, и она уже начала продумывать план по поимке преступника, когда услышала голос, зовущий ее по имени.

Саша резко вскочила, едва не столкнув брата обратно вниз, и, не объясняясь, засемила по карнизу в сторону своей комнаты.

– Санек, – крикнул ей вслед Митя, – мы же не договорили!

– Позже, – ответила девушка, исчезая в окне.

Саша успела вовремя. Едва она оказалась внутри своей комнаты и только успела закрыть за собой окно, как дверь распахнулась, и на пороге появилась молодая женщина. Это была Лиза, Сашина учительница хореографии. В свете последних событий Саша совершенно забыла, что у нее уже давно должна была начаться репетиция. И вот Лиза, с явно выраженным неудовольствием на правильном, красивом лице, стояла на пороге ее комнаты и, сложив руки на груди, строго отчитывала за опоздание.

Обычно они встречались внизу, в танцевальном зале, но сегодня, не дождавшись ученицы, Лиза поднялась за ней наверх и, судя по гневному взгляду, была очень недовольна.

– Ты заставляешь меня ждать, Александра, это очень некрасиво и безответственно с твоей стороны, – строго отчитала девочку Лиза. – Будь добра, приведи себя в достойный вид, и через пять минут я желаю видеть тебя внизу.

Саша склонила голову и присела в реверансе, как учили ее с детства. На самом деле она безумно устала от того, что каждый кому не лень пытался напомнить ей, что она леди, и сделать замечание по поводу недостойного поведения, но так как другого выбора у нее все равно не было, она послушно переделась в балетную пачку, натянула гетры и пуанты и почти бегом, не касаясь перил, спустилась вниз.

Лиза уже сидела за роялем в танцевальном зале. Саша подошла к станку и, грациозно опустив на него руку, поднялась на носки.

Заиграла знакомая мелодия Моцарта, сопровождаемая звуком Лизиного голоса.

– Назад, вперед, держи спину... ровнее. Молодец. Смотри вперед. Вытяни шею... превосходно.

Около двадцати минут Саша старательно исполняла все движения, пока случайная мысль не проникла ей в голову. Девушка замерла на месте и задумалась. Лиза продолжала играть.

– Продолжай! – строго приказала та, заметив, что ученица остановилась и мыслями отлучилась куда-то очень далеко.

Но Саша не слушала, она пыталась поймать ускользающую мысль. Что-то в поведении отца насторожило девушку вчерашней ночью, и сейчас она старательно пыталась вспомнить, что именно. И вдруг она все поняла. Саша радостно вскрикнула, подпрыгнула на месте, стукнув при этом острыми носиками розовых пуант, и бросилась прочь из танцевальной комнаты.

Она слышала, как звонко гремит по коридорам голос Лизы, пытающейся вернуть непокорную ученицу на место. Но в данный миг хореография интересовала девочку меньше всего.

Саша вбежала на второй этаж и без стука ворвалась в комнату брата. Митя сидел в большом кожаном кресле у камина и читал книгу. Увидев возбужденную родственницу, он удивленно изогнул бровь.

– Что-то важное заставило тебя показаться передо мной в этом нелепом виде?

Саша с ужасом вспомнила, что в балетном костюме она похожа на ванильную куклу, и, почувствовав неловкость, попыталась быстрее поделиться с братом своей мыслью.

– Я знаю! – радостно воскликнула Саша.

– Что знаешь! – спросил Митя, откладывая книгу.

– Все знаю! Я поняла! Идем со мной.

Саша схватила брата за руку и потянула его за собой.

– Куда? – поднимаясь, недовольно проворчал Митя, но все же послушно последовал за сестрой.

Он привык к ее эксцентричным выходкам.

Они спустились в кабинет, и, оказавшись внутри, Саша закрыла дверь на ключ.

– Что ты задумала? – Митя так и не понял, что за бредовая идея вторглась в головку его милой сестренки, но спорить с ней не решился.

– Этот парень, ты успел рассмотреть его лицо? – задумчиво оглядываясь, как будто кто-то мог их подслушать, спросила Александра.

– Мельком.

– На кого он похож?

– На араба?

– На египтянина! – с важным видом подняв палец кверху, уточнила Саша. – Вчера вечером отец вернулся после очередной экспедиции в Египет. Так?

– Возможно. Тебе виднее.

– Так вот, я знаю, куда папа спрятал свою находку. Я только сейчас это поняла! Посмотри вокруг. Тебе ничего в глаза не бросается?

Митя осмотрелся и удивленно посмотрел на сестру. Он не мог не улыбнуться, она была такой забавной в этом обтягивающем костюмчике, с развевающейся шелковой юбочкой и кичкой, туго затянутой на затылке.

Саша смущенно покраснелась, понимая, что так веселит ее брата, и поспешила поделиться своими мыслями, чтобы отвлечь от себя внимание.

– Ты знаешь самую знаменитую историю Эдгара Алана По? – тоном истинной победительницы спросила Саша, бросив взгляд на камин.

– Убийство на улице Морг? – удивленно протянул Митя, следя за взглядом сестры.

– Нет. О письме, которое искали все службы, а оно мирно покоилось на самом видном месте. Так вот, я знаю, где спрятано то, что искал наш гость.

Саша подбежала к камину и опустила руку в рождественский мешок. Этот мешок она повесила ровно семь лет назад, чтобы во время своих редких приездов профессор мог оставлять в нем какой-нибудь сюрприз для дочери. Повзрослев, Саша совсем забыла о своей детской традиции по утрам проверять содержимое заветного мешка, и он так и остался лишь бледным напоминанием ее неумной детской фантазии и единственной ниточкой, некогда связывающей вечно отсутствующего профессора с дочерью.

Саша сглотнула комочек воспоминаний и почувствовала, как ей в руку попало что-то мягкое, похожее на свиток, обтянутый тряпкой. Ликующим взглядом она посмотрела на Митю и извлекла на свет то, что было спрятано.

– Ого, – воскликнул Митя, увидев, что его сестра держит в руке старый, пожелтевший от времени, потрепанный по краям сверток. – Как думаешь, что это?

– Не знаю. Сейчас посмотрим.

Встав по обе стороны стола, они развернули заветный свиток, но, увидев его содержимое, Митя разочарованно нахмурился, а Саша с благоговейным восторгом затаила дыхание.

– Это карта, – восторженно выдохнула Саша.

– Какая карта? – удивленно уставившись на сестру, спросил Митя. – Я вижу только дохлую змею, нарисованную через весь свиток. Больше похоже на чью-то шутку.

Теперь пришла Сашина очередь удивляться. Она не могла понять, как Митя может быть таким слепым, ведь на свитке четко нанесены различные знаки. Символы, смысла их Саша конечно не знала, но она их видела, видела и понимала, что они что-то значат.

– Может, это карта сокровищ? – предположила Саша.

– Сокровищ? Сань, о чем ты, я вообще не рассмотрел здесь карту. У тебя слишком богатое воображение.

Саша уже собиралась в подробностях описать брату все, что видела на заветной карте, когда голос Гренни за дверью остановил ее.

– Александра! – едва повысив голос, позвала внучку Мартина.

Саша быстро свернула свиток и протянула Мите.

– Спрячь его. После обеда встречаемся в беседке у озера. Я думаю, папа нашел что-то стоящее и очень важное, иначе этот подозрительный субъект не появился бы в нашем доме.

Митя кивнул и сунул свиток под футболку.

Когда они вышли, Мартина смерила строгим взглядом своих подопечных.

– Я могла ожидать чего угодно от тебя, Александра, но ты, Дмитрий... – она запнулась, пытаясь сдержать гнев. – Немедленно в свою комнату, юноша, вечером нам предстоит серьезный разговор.

Рассмотрев, как ей показалось, явное чувство вины в глазах провинившихся, Мартина взяла Сашу за руку и потянула обратно в танцевальную комнату.

Митя хотел было что-то сказать вслед, но Мартина словно предчувствовала это и предупредила его строгим приказом:

– В свою комнату, юноша, вечером я дам тебе возможность оправдаться.

Сашу вернули к станку и в наказание назначили лишний час занятий. Как и предположила девушка, Лиза, увидев, что беглянку ведут с позором обратно, растянулась в довольной ухмылке, значит, это именно она, узнав, что строгая бабушка приехала навестить внучку, решила воспользоваться внезапно свалившейся удачей и не постеснялась потревожить почтенную даму в ее комнате с жалобой на строптивую ученицу.

Мартина же, зная, что от внучки можно ожидать чего угодно и боясь ее дурного влияния на своего золотого мальчика, с легкостью отыскала строптивицу и теперь, довольная выполненной миссией по возвращению беглянки, сидела в мягком кресле возле окна, с упоением наблюдая, как Саша трудится у станка. Эстетически это было прекрасное зрелище. Саша была словно создана для балета, ее стройные длинные ноги, не знающие каких-либо ограничений в движениях, и тонкие изящные руки, ровная спина и длинная шея, – все выглядело изящно и гармонично.

Несколько часов Саша, словно бабочка, порхала по залу, обливаясь потом, чтобы хоть немного успокоить бабушку, втереться ей в доверие и усыпить бдительность старушки. Время обеда давно прошло, и Митя наверняка уже заждался ее в беседке.

Шаг. Еще шаг. Брис, пас де буре. Обессилен от изнурительной тренировки, Саша споткнулась и с грохотом рухнула на пол.

– Достаточно, – сказала Мартина и, не даже не глядя на обессиленную внучку, покинула танцевальную комнату.

Саша бросила убийственный взгляд в сторону своей учительницы, и если бы взглядом можно было испепелить, то вместо нахально усмевающейся Лизы на полу под роялем уже лежала бы горстка надменного пепла.

– Благодарю, Александра, наше занятие окончено, – слегка склонив голову, с плохо скрываемой издевкой произнесла Лиза. – Ты можешь быть свободна.

Саша поднялась, отряхнула юбку, скорее машинально, чем с целью что-то стряхнуть, и присела в грациозном реверансе.

– Благодарю вас за урок, Елизавета Петровна.

Саша намеренно произнесла полное имя своей учительницы, прекрасно зная, как ее раздражает обращение по имени и отчеству. Лиза считала себя слишком молодой для такого официального обращения. Со стороны Саша это был ответ на предательство Лизы.

Здрав кверху нос и держась с величием как минимум наследной принцессы, Саша покинула зал, но, оказавшись в просторном холле, не под прицелом взглядов, стремглав бросилась вверх по лестнице. У нее оставалось слишком мало времени на то, чтобы переодеться.

Позже она нашла Митю в беседке, где они и договаривались встретиться. Он задумчиво следил за облаками, проплывающими по небу. Митя уже успел переодеться и причесаться, чтобы у Мартины, если он вдруг снова попадется ей на глаза, не было больше поводов отчитывать внука. Теперь на нем были небесно-голубая футболка поло, темно-синие джинсы и белые мокасины из мягкой кожи.

На самом деле Митя не очень боялся вечернего разговора, он знал, что бабушка всегда его прощала и слепо доверяла. Он как-нибудь выкрутится, но Александра... он переживал за сестру. С ней дела всегда обстояли иначе. И сейчас Мартина уже потирала руки, представляя, как будет перевоспитывать девушку, получив все козыри в руки.

Солнце уже прошло свой круг по небосклону и в послеобеденное время не так грело, как с утра. С озера подул прохладный ветер.

Митя сидел на скамейке, откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу.

Вдруг за спиной он услышал посторонний шум, будто кто-то пошевелил растущие рядом с беседкой кусты. Митя напрягся. Звуки затихли. Он подался вперед, делая вид, что изучает что-то на полу беседки, и когда звук повторился, резко вскочил и обернулся.

– Алекс! – воскликнул он, увидев в кустах довольное лицо сестры.

– Что ты дергаешься? – выбираясь из кустов, усмехнулась Александра. – Твоя бабка настоящий цербер. Я думала, никогда не вырвусь из ее цепких лап. Из-за нее пришлось даже пропустить обед.

Митя кивнул в сторону корзинки с едой, которую он любезно захватил со стола, зная, какой Мартина может быть беспощадной, если что-то противоречит нормам ее этики.

Саша улыбнулась благодарной улыбкой и с жадностью напала на бутерброды. Она тоже переделалась. Теперь на ней было легкое платье и тряпичные балетки. Волосы она распустила по плечам.

– На чем мы остановились? – дожевывая бутерброд, задумчиво спросила Саша. – Ах, да! Карта. Где она?

– В твоей обеденной корзинке.

Саша вытерла руки и осторожно, двумя пальцами, извлекла из корзины свиток. Расположившись уютно на полу беседки, Митя и Саша развернули заветный свиток.

– Этого не может быть! – громко, проглотив кусок недоеденного бутерброда, воскликнула Саша.

– Что? Что ты там видишь? – пытаясь рассмотреть то, что так заинтересовало Сашу, спросил Митя.

– Я долго думала, что же это за линия, проходящая через всю карту, и поняла: это – карта Древнего Египта, а эта, как ты выразился, дохлая змея – священный Нил.

– Египта? Ну, это логично, твой отец египтолог, что еще он мог привезти и спрятать?

– Да, конечно, – согласилась с таким неоспоримым и очевидным фактом Саша, – но я же говорю, это не просто карта, это карта Древнего царства времен правления Джосера, Хефрена, Сети. Этой карте не менее пяти тысяч лет. Вот почему папа так старательно прятал ее, в ней что-то скрыто, что-то, что может быть безумно увлекательно.

– Увлекательно и опасно! – у Мити загорелись глаза. – А ведь опасность мое второе имя. А там что-нибудь говорится о несметных богатствах?

– Не знаю. – Саша покрутила карту в руках. – Вот здесь, вдоль течения Нила, указаны города, многие из них уже давно исчезли. Мемфис, современный Хелуан, пригород Каира, Иуну, известный как Гелиополис, и многие другие.

Саша легко могла прочитать знакомые иероглифы, так как в свое время изучала азы иерографии, но только сейчас пожалела, что тогда ей не хватило терпения изучить эту науку до конца. Для нее все так и закончилось на именах фараонов да названиях городов.

Восторг в глазах Мити сменился недоверием, он внимательно посмотрел на сестру.

– Что ты видишь на этой карте? – серьезно спросил он.

– Я же говорю, города, памятники, знаки, символы, но одно только место особенно занимательно. А почему ты спрашиваешь?

– Саня, мне не хочется разочаровывать тебя, но скорее всего, виной твоим галлюцинациям затворнический образ жизни. У тебя слишком богатое воображение.

Саша непонимающе уставилась на брата.

– О чем ты?

– На этой карте ничего нет, кроме... – Митя ткнул пальцем в тонкую линию, изображающую Нил, – кроме вот этой кривой линии.

– О чем ты говоришь? – искренне удивилась Саша.

Она вновь взглянула на карту. Она отчетливо видела знаки на древнем холсте. Возможно, они были нанесены давно, очень и очень давно. Почему Митя не видит? Наверно, он просто издевается над ней.

– Посмотри, – Саша ткнула пальцем в точку, на которой Митя все равно ничего не увидел, и важно сказала: – Здесь написано, что три звезды на поясе Ориона стерегут души великих фараонов.

– И что это значит?

– А это значит, что ученые были правы, когда утверждали, что три пирамиды Гизы имеют прямую связь с тремя звездами. И мы с тобой это докажем.

– Как это?

– Мы поедem в Египет...

Саша не договорила. Митя вскочил и замахал руками.

– Нет. Мое категорическое, неоспоримое «нет»! Я не подписываюсь на эту авантюру. Ты с ума сошла? Следовать за плодом твоей больной фантазии – это же чересчур. Я советую тебе отбросить эту бредовую идею.

– Ты хочешь отказаться от самого увлекательного путешествия в твоей жизни? Только потому, что боишься гнева Мартины, – ехидно прищурившись, воскликнула Саша.

– Ладно... Может быть, я соглашусь сопровождать тебя в это безумное путешествие, – Митя сделал ударение на слове «сопровождать», чтобы Саша не думала, что каждая ее бредовая идея найдет поддержку. – Но для начала мы дождемся возвращения твоего отца.

– Вот еще! – фыркнула Саша. – Если ты пасуешь, то я еду одна. Я достаточно долго сидела под замком. Пришло время вырваться из-под родительского крыла и познакомиться с миром...

– А тебе не кажется, что это слишком резкие перемены... может, для начала достаточно будет того, что я вывезу тебя в город?

– Не говори ерунды. Если ты трусишь, так и скажи, все нормально, я пойму...

Она знала, что Митя купится на это, и хитро усмехнулась.

– Я не трус! Это здесь совершенно не при чем, просто я способен пользоваться разумом. Ты хоть представляешь, что сделает с нами Мартина, когда поймет, на что мы пошли? Ты вообще хоть на секунду можешь представить себе всю силу ее ярости? Ладно, тебе она ничего не сделает. А мне! Она же лишит меня наследства и пустит по миру. – Митя так отчетливо представил себе картину своего падения, что на его лице отобразился искренний испуг, и он передернулся от ужаса.

Саша внутренне улыбнулась.

– Ты можешь отказаться, – заключила она. – Я справлюсь сама.

– Ты не сделаешь этого!

– О, – протянула Саша, – еще как сделаю!

– Позже ты простишь меня, – грустно начал Митя, – не сейчас, позже... Но я не позволю тебе ехать в эту ужасную и опасную страну.

Саша догадалась, к чему он клонит, и презрительно дернула носиком.

– Если ты расскажешь все Мартине, я обещаю тебе самую долгую и мучительную пытку... Тебе рассказать, как в старину инквизиторы добивались от своих жертв нужной им информации?

По глазам сестры Митя понял, что она не шутит, и нервно сглотнул.

– Я ухожу сегодня в полночь. У тебя есть два варианта: составить мне компанию или остаться здесь и молчать. Выбор за тобой. Я буду ждать тебя у центрального входа десять минут. Если ты не придешь, я сделаю вывод, что ты струсил, и поеду одна.

– Одумайся!

Но Саша уже не слушала. Спрятав карту в декольте, она, махнув рукой, помчалась в сторону дома.

– В полночь, Митя, я буду ждать тебя. Надеюсь, ты достаточно взрослый мальчик, чтобы принимать такие решения, – крикнула она через плечо.

Митя выдохнул и сел на скамейку. Он всегда подозревал, что сумасбродство его родственницы когда-нибудь перегнет тотальный контроль, установленный в этом доме, и, вырвавшись наружу, окажется смертельно опасным не только для самой девушки, но и для окружающих. Но отпустить ее одну в эту варварскую страну, некогда славившуюся своими жестокими законами, он не мог. Митя мало знал о Египте, слышал только, что арабы, завоевавшие ее в начале нашей эпохи, установили в стране свои порядки и законы и туристов, приезжающих в страну, оберегают от свободного передвижения, рекомендуя отдать предпочтение экскурсионным турам.

Смятение в душе юноши достигло своего апогея, когда он мысленно представил, как Сашу похищает группа бедуинов, отвозит ее в пустыню, куда не ступала нога туриста, и его милая, слегка бесшабашная сестренка становится наложницей одного из арабских эмиров. Отгоняя от себя эти жуткие картины Сашиного порабощения, Митя принял решение. Он знал, что когда-нибудь, возможно, очень скоро, обстоятельства заставят его пожалеть о принятом решении, но отпустить сестру в это путешествие одну он не мог.

За всю ее жизнь самое опасное Сашино путешествие ограничивалось парком перед особняком и озером. Когда пришло время, Митя быстро собрал дорожную сумку и вышел из комнаты, оставив Мартине прощальную записку.

Глава 4

Египет, плато Гиза

Эта ночь выдалась безоблачной. И когда пришло время, над плато Гиза в черном небе одна за другой начали вспыхивать звезды. Словно огоньки далеких свечей, они тускло освещали громадные пирамиды, много веков истуканами простоявшие на пустыре.

Но среди мириад тусклых звезд три выделялись своей магической яркостью. Они были особенными. Расположенные совсем близко друг к другу, они мерцали, становясь то тусклее, то ярче.

Именно для того, чтобы понаблюдать за магическим поведением звезд, мальчишки из бедных кварталов украдкой прибегали на плато и, проявляя недюжинную фантазию и ловкость, умудрялись забраться на верхушки древних монументов. Конечно, многих охранники ловили еще до достижения заветной цели, но те, кому удавалось пробиться и остаться незамеченными, получали массу впечатлений от великолепного вида, открывающегося с верхушек пирамид.

Одним из таких любителей поглазеть на звездное небо был простой мальчишка из самого бедного квартала Каира – Фарух. Говоря самого бедного, подразумевается полное отрешение жителей заброшенных домов, где жил Фарух, от внешнего мира.

Этот район был выстроен на древнем кладбище, и местные жители называли свой город Городом мертвых. Они уже не удивлялись, что зачастую на улице можно было встретить собаку, несущую в пасти человеческие останки, и никто давно не обращал внимания на гнетущий запах, поселившийся в домах. Люди привыкли и жили обособленной общиной на самом дне современного мира.

Фарух был одним из мальчишек, родившихся и выросших в этих нечеловеческих условиях. Он никогда не задумывался, нормально ли то, что его родители были настолько бедными и ему часто приходится копаться в помойке, чтобы хоть как-то наполнить свой желудок.

Он обычный египетский мальчик, ничем не отличается от других таких же сорванцов, толпами снующих по улицам Каира. Он был невысок, сутул и очень худ, что говорило о его скудном питании.

Вся жизнь мальчишки заключалась в попрошайничестве и сопровождалась побоями вечно недовольного жизнью отца, поэтому плато Гиза стало для несчастного ребенка своеобразным порталом в другой мир. В мир прекрасный и волшебный, в мир, где его любят и всегда ждут. В мир, где нет злости и насилия, в мир, где все по-другому. Здесь он мог мечтать, мыслями уносясь далеко от этого города, от своего дома и деспота-отца.

Но мечтая ночью, Фарух не забывал, что когда настанет утро, все вернется на круги своя. Он снова пойдет на улицы попрошайничать, вечером, вернувшись домой, получит свою порцию тумачков, и лишь ночью вновь сможет прийти на плато, чтобы заново пережить свои душевные приключения, воплощенные лишь в его воображении.

Эта ночь не стала исключением. И, не изменяя своей традиции, Фарух вновь сбежал от отца и пришел на плато.

Стараясь не держаться группы других подростков, он осмотрелся. Убедившись, что поблизости нет бдительных охранников, любивших гонять беспризорников, Фарух ловко вскарабкался на самую верхушку пирамиды Хуфу. Сверху он заметил, что охранникам все-таки удалось схватить группу подростков, и поэтому у Фаруха на сегодня не будет компании. Довольный тем, что эта ночь станет только его, Фарух потянулся, раскинув в стороны руки, и усмехнулся.

Пирамида Хуфу считалась первой из построенных пирамид, первой и самой большой во всем Египте. Это было великолепное творение мастеров, дошедшее до нашего времени. На ее вершине располагалась удобная площадка, образовавшаяся в результате перестроек.

Фарух постелил старенькое, потрепанное временем покрывало и, закинув руки за голову, лег. Если верить прогнозам, которые он подсмотрел в газете у одного господина, то сегодня ночью ожидается звездопад.

В предвкушении необычной ночи Фарух достал из кармана засохшую горбушку хлеба и принялся ее грызть.

Прошло совсем немного времени, прежде чем в черном небе вспыхнула яркая точка, и огромная мерцающая звезда, одна из трех звезд созвездия Ориона, начала свое падение. Фарух затаил дыхание, никогда прежде он не видел ничего подобного. Он зажмурился и затараторил про себя, стараясь успеть загадать самое заветное желание. Он попросил перемен, чтобы в жизни его произошло какое-нибудь чудо. Чудо, которое сможет изменить всю его жизнь.

Довольный своим маленьким успехом, Фарух открыл глаза и с ужасом увидел, что та самая звезда, на которую он только что загадал желание, летит прямо на него, освещая всю долину Эль Гиза ярким светом.

– Нет! – закричал Фарух, вскакивая. – Я не хочу счастья! Ты меня неправильно поняла!

Он кричал на звезду, активно размахивая руками. Но свет становился все ярче.

«Может, это комета?» – решил перепуганный мальчик.

А звезда падала с такой скоростью, что еще чуть-чуть, и она обрушится своей тяжестью прямо на несчастного ребенка, не оставив мокрого места.

«Не такого счастья я хотел себе», – обреченно подумал Фарух и решил, что так как бежать уже поздно, а уйти от столкновения со звездой просто невозможно, принять свою участь достойно.

Он выпрямился, расправив тонкие руки, и запрокинул голову.

– Будь что будет, – успел сказать Фарух, прежде чем белое сияние, исходящее от звезды, поглотило его целиком.

Фарух даже почувствовал, как свет проникает в него неведомой энергией, по всей вероятности, скрывавшейся в этой звезде.

И вдруг все закончилось так же неожиданно, как и началось. Вокруг стало темно, и плато Гизы обрело свои привычные очертания. Словно и не было этой сумасшедшей звезды, решившейся свалиться с неба на землю.

Продолжая стоять в той же позе, Фарух сначала осторожно открыл один глаз, осмотрелся и, не заметив ничего страшного, облегченно выдохнул.

Все вокруг выглядело так же, как и до этого странного видения. Пирамиды стояли на своих местах, непоколебимые, холодные, безразличные ко всему происходящему.

Вдруг в небе вспыхнула еще одна звезда и в том же стремительном полете, что и первая, направилась вниз. Фарух снова зажмурился, но на этот раз звезда упала на соседнюю пирамиду, пирамиду Хеопса, озарив долину тем же холодным светом, что и первая.

Фарух открыл глаза и осмотрелся. Он не понимал, что происходит. Либо это его воображение играет с ним в такие странные игры, либо на плато происходят действительно очень странные вещи.

В этот момент последняя из звезд на поясе Ориона, одна из трех ярких звезд, мерцавших на небосклоне в эту ночь, с такой же стремительностью бросилась вниз. Она не была такой яркой, как две ее предшественницы, и Фарух решил проследить за ее падением.

Звезда, быстро набирая скорость, летела в сторону третьей пирамиды, пирамиды Менкаура. Достигнув своей цели, она ударилась о макушку пирамиды, рассыпалась ярким фейерверком и в тот же миг исчезла.

Несколько мгновений Фарух смотрел в темноту, пытаясь понять, было ли все, что он сейчас увидел, реальностью, или это все же игра его уставшей от скучной и бесцветной жизни фантазии.

– Будь что будет, – крикнул мальчик и, забыв о своем покрывале, единственном наследстве, оставшемся ему от матери, заторопился вниз, не боясь свернуть себе шею, прыгая по неровным камням.

Он прошел половину пути и остановился передохнуть, и вдруг почувствовал, как кто-то неожиданно схватил его. Чьи-то длинные пальцы вцепились в его предплечье. Не ожидая чего-то подобного, Фарух закричал от страха и резко дернулся назад, пытаясь высвободиться. Это прикосновение было таким горячим, словно сам дьявол из преисподней поднялся, чтобы схватить очередную жертву и утащить к себе в логово.

– Тише! Не кричи, – шикнул на расшумевшегося подростка голос. – Я не причиню тебе вреда.

Голос исходил из глубины пирамиды. Фарух замолчал и только сейчас заметил небольшое отверстие в стене, откуда торчала чья-то мускулистая рука.

Вероятнее всего, это стражник с плато увидел, как подросток вскарабкался на пирамиду, и решил поймать малолетнего преступника.

– Я не сделал ничего плохого, – умоляюще пропищал Фарух. – Пожалуйста, отпустите меня. Я уйду, честно, и больше не приду. Даю вам слово Фаруха.

– О, отец мой Осирис, – воскликнул голос, – успокойся ты или нет! Мне всего-навсего нужна твоя помощь, и после я отпущу тебя.

Голос не звучал зловеще, скорее, говоривший пытался втереться в доверие к мальчику, нежели преследовал цель напугать его. Почувствовав, что реальной угрозы не существует, Фарух успокоился.

– Теперь ты готов меня выслушать? – заискивая, спросил голос.

– Ты ведь не полицейский? – решил уточнить Фарух, чтобы в дальнейшем не столкнуться с неприятным сюрпризом.

– Нет, конечно, не страж я вовсе! Я прогуливался по плато и захотел посмотреть, что таится внутри этой великой пирамиды. Совершенно случайно, по собственной беспечности, я забрел в самую отдаленную камеру, и кто-то закрыл за мной дверь.

Фарух поверил незнакомцу.

– Так ты сможешь мне? – с надеждой спросил случайный узник пирамиды.

– Да. Только тебе придется заплатить за мою помощь, – в мальчике вспыхнула страсть к наживе.

Отец всегда учил его, что за любую услугу, оказанную кому бы то ни было, положено брать плату. Так, подростки помогают туристам и требуют с них благодарность. И Фарух, вспомнив это наставление, постарался воспользоваться сложившейся ситуацией и вывернуть в свою пользу. Ведь туристы народ богатый, они уже давно кормят всю страну и известны своей щедростью. Почему же Фарух должен упустить такую легкую возможность нажиться?

Узник затих. Немного подумал и ответил:

– Золото ты получишь, когда я выберусь на волю. Договорились?

– Договорились, – радостно ответил Фарух, но подумав, что может продешевить, решил уточнить еще один момент: – А сколько времени ты уже сидишь здесь?

– Достаточно долго, чтобы заплатить тебе столько, сколько ты желаешь получить, – догадался узник.

– Тогда... я согласен.

– Слушай внимательно. Сейчас ты должен войти в пирамиду, подняться на верхнюю галерею и повернуть один замок.

– Какой замок?

– Будешь внутри, дай знак, что это ты, я подскажу тебе, что делать дальше.

Фарух растянулся в улыбке. Ни на одно мгновение у него не закралась мысль, что он делает что-то ужасное. Он выпрямился и попытался сымитировать крик орла. Получилось это неумело, и вся долина наполнилась жутким звуком, похожим на крик умирающей вороны.

– Что это ты такое делаешь? – удивленно воскликнул голос.

– Это крик орла. Я прокричу...

– Не надо! – голос резко оборвал разошедшегося в своей изобретательности мальчика, – просто хлопни в ладоши.

– Хлопнуть в ладоши?

– Да. Хлопни в ладоши. Один раз. Этого будет достаточно.

Фарух разочарованно насупился, в нем уже загорелся азарт разорителя гробниц. Он желал придать этому действию что-то загадочное и запретное, но все же спорить не стал, и когда огненная рука узника пирамид отпустила его, мальчик с ловкостью примата продолжил спуск вниз.

Вход в гробницу находился чуть ниже того места, где состоялась встреча мальчика с узником. В свое время этот проход был проделан варварским способом, в 820 году нашей эры, жадным до легендарных богатств фараона халифом Абу Джафар аль-Ма'муна. Не найдя в пирамиде сокровищ, халиф оставил этот лаз для потомков, и несмотря на то, что настоящий проход был обнаружен спустя почти тысячу лет после вторжения халифа, именно его путь остался единственным входом в пирамиду.

Фарух быстро отыскал вход и незаметно проскользнул внутрь. Удача была на его стороне, и он никого не встретил на своем пути.

В пирамиде было очень душно, и мальчику сразу захотелось выбежать обратно, на свежий воздух, но вспомнив, что он обещал помочь человеку, попавшему в беду, да еще и сможет на этом заработать, Фарух пересилил свои страхи и двинулся вперед, вверх по каменной лестнице, ведущей к камере царя.

Сначала он прошел по узкой слабо освещенной галерее, затем прополз по длинному тоннелю и оказался в пустой просторной камере, в центре которой одиноко стоял огромный гранитный саркофаг.

Стены камеры были сделаны из массивных гранитных плит, точно таких же, какие использовали для саркофага.

Фарух заглянул внутрь, ящик был пуст.

– Что я должен делать? – оглядываясь в поисках пленника, громко спросил Фарух.

– Для начала тебе следовало хлопнуть в ладоши, – раздался громкий голос.

Голос исходил со всех сторон, из стен, из потолка и даже из гранитного ящика. Фарух в испуге начал оглядываться и, не найдя того, кому мог принадлежать голос, хлопнул в ладоши.

Голос тяжело вздохнул, поражаясь глупости своего помощника. И вдруг вся комната наполнилась бледно-голубым светом, точно таким же, каким сопровождалось падение звезд.

– Посмотри на стену, за саркофагом, – приказал мальчику голос.

Фарух, будучи суеверным, на мгновение замаялся.

– Ну же, – подбодрил его голос. – Смелее.

На одной из плит появились странные знаки. Символы засияли так неожиданно, что от страха Фарух попятился.

– Видишь? – встревоженный молчанием мальчика, спросил голос.

– Да.

– Подойди.

Фарух послушно подошел к стене. От нее исходил сильный жар, сопровождаемый странным запахом серы.

– И что мне делать? – настороженно спросил мальчик, боязливо оглядываясь.

– Посмотри внимательно, в том месте, где расходятся слова, есть отпечатки рук. Видишь?

– Да.

– Приложи к ним свои ладони и толкни изо всех сил.

Не зная, правильно ли он поступает, Фарух со всей решительностью навалился на массивную плиту. К его удивлению, она легко скользнула внутрь, и камера наполнилась странным шипением.

Но когда звук уже набрал мощь, сквозь шум Фарух услышал другой голос, не принадлежавший узнику. В камере оказался кто-то еще. Фарух вполоборота бросил взгляд на вход и заметил странного лысого старика, облаченного в белые одежды, бегущего к нему.

– Остановись, – кричал тот, протягивая руки. – Ты не понимаешь, что творишь!

Но было уже поздно. Плита, скользнувшая глубоко внутрь, уже успела привести в действие неизвестный механизм, и с потолка над саркофагом, прямо внутрь гранитной громадины, посыпался белый песок. Фарух в страхе замер.

– Что ты наделал? – в ужасе воскликнул старик.

Он остановился и печально посмотрел на мальчика. Фарух виновато опустил глаза.

И вдруг камера наполнилась громким смехом узника. Это был жуткий, надрывный смех. Смех человека, обманувшего саму смерть. Влекомый природным любопытством, присущим человеку, мальчик посмотрел на гранитный саркофаг и чуть не потерял сознание от страха, когда из песка под аккомпанемент этого жуткого смеха появилась человеческая рука.

Шипение прекратилось.

Старик стоял на том же месте и с ужасом следил за тем, как из песка, сантиметр за сантиметром, появляется человек.

Сначала все происходило медленно, затем смех затих, узник прокашлялся и выругался на незнакомом Фаруху языке. Движение песка прекратилось. Но лишь на миг. Затем в один момент все содержимое саркофага вылетело наружу, разлетаясь по камере. Фарух почувствовал, как мелкие песчинки больно хлестнули его по лицу, а несколько из них даже попали в глаз.

Пока мальчик грязной рукой пытался протереть пострадавший глаз, узник и старец начали диалог.

Первым заговорил узник.

– Ур Маа, весьма польщен, что именно ты пришел встречать меня и первым лицезрел мое триумфальное возвращение.

– Не торопись радоваться раньше времени, Хуфу. Если ты наивно думаешь, что я позволю тебе выйти из этой камеры, то, вероятно, я весьма разочарую тебя.

– Что? Ты угрожаешь мне? – явно веселясь над словами старика, воскликнул Хуфу. – Жалкий человечиска. Ты смеешь угрожать мне, сыну великого Осириса, повелителю пустыни и владыке этой великолепной темницы. – Хуфу снизил тон. – Благодаря вашим стараниям, я, полагаю, оказался здесь, но теперь ты поможешь мне выбраться отсюда! Это ли не забавно?

Последнюю фразу недавний узник сказал с еще большим сарказмом и сам засмеялся собственной шутке.

Фарух уже прочистил глаз и решил посмотреть на того, кто так нагло и фамильярно разговаривал со странным стариком.

Все что угодно ожидал увидеть Фарух, но только не то, что он увидел. В центре камеры, там, где недавно лежала груда песка, возвышался незнакомый мужчина средних лет довольно крепкого сложения. Лицо его было круглым, взгляд устрашающим, и когда он смотрел на старика, ноздри его вздрагивали от едва сдерживаемой злости. На голове узника восседала корона. Из одежды на нем была такая же набедренная повязка, что и на изображениях древних фараонов, только качество материала было гораздо превосходнее, и пояс его отделан был чистым золотом.

Руки и шея его были украшены дорогими золотыми украшениями. На поясе болтался золотой кинжал, довольно странно изогнутый. Украшен кинжал был драгоценными камнями.

Фарух узнал в загадочном узнике одного из фараонов, захороненных на плато Гиза. В его душе поднялся вулкан эмоций. Мальчик уже считал себя первооткрывателем. Ведь он не просто нашел точное место захоронения фараона, но и предоставит свету настоящего правителя. Фарух уже представил себя на первых страницах газет. Весь мир склоняется перед его находкой. Мальчик, освободивший фараона. Он станет легендой. Такие мысли блуждали в голове у ребенка, пока фараон спорил со стариком.

Почувствовав странное желание проявить уважение к великому фараону, Фарух опустился на одно колено и склонил голову. Но его порыв остался незамеченным. Спор, возникший между стариком и фараоном, только разгорался.

– Уйди с дороги! И я сохраню твою жалкую жизнь, – властно приказал Хуфу, пытаясь обойти старика.

– Ты не выйдешь из этой камеры, и мы оба знаем, какую цену я готов заплатить, чтобы сдержать слово, данное своим богам.

– Много слов, глупый ты человечиска. Сколько таких, как ты, провидцев сменилось за то время, пока я был в заточении? Десятки? Может, сотни?! Позволь мне уйти, я не хочу причинять тебе страдания. Я не злопамятен и прощаю тебе предательство твоих предков.

– Только через мой труп, – решительно произнес Ур Маа и в подтверждение своих слов вынул из кармана странный предмет, напоминающий распятое.

Увидев, какие действия собирается предпринять против него глупый старик, Хуфу заметно развеселился.

– Тебя даже не научили, как бороться со мной? – усмехнулся он.

Старик опустил голову и, прижав ко лбу священное орудие, затараторил:

– О, великий праотец наш, прародитель всего сущего. Я взываю к тебе в глубину веков, обращаясь за помощью в борьбе с неверным тебе сыном...

Самоуверенная ухмылка на лице фараона сменилась испугом. Он попытался сделать шаг в сторону читавшего молитву жреца, но заклятие уже начало свое действие. Сделав шаг, Хуфу почувствовал, как одна его нога вдруг стала мягче. Он поднял руки, и они стали рассыпаться.

– Нет! Глупец! Я ждал этого столько лет! – в исступлении закричал фараон.

В этот момент в дело вступил Фарух. Увидев, что его великое открытие с такой легкостью начинает рассыпаться прямо у него на глазах, мальчик решил действовать. С ревом дикого волчонка он бросился на старца и со всей силы толкнул того в грудь. Старик потерял равновесие, отлетел и ударился о стену, выронив при этом свой защитный амулет. Голос его дрогнул, но старик не замолчал. Собрав все силы, он продолжил:

– Ты войдешь в неизведанное и защитишь...

Фарух не мог так легко сдаться и позволить этого глупому старикашке разрушить свои мечты. Он подбежал к старику, откинул ногой амулет и со всей силы ударил несчастного по лицу. Старик крикнул и обмяк.

Хуфу почувствовал, как руки его обретают былую крепость, а ноги так же уверенно стоят на земле, как и прежде. Он посмотрел на мальчика.

– Я признателен тебе за твою помощь, – фараон снял с руки один из браслетов и протянул мальчику.

– Нет, мой повелитель, – гордый своим подвигом, ответил Фарух. – Мне не нужны деньги и драгоценности.

– Не нужны? – непонимающе нахмурился Хуфу.

– Нет.

– А что тогда тебе нужно?

Фарух показательно опустил на одно колено и преклонил перед великим фараоном голову.

– Я хочу служить вам. Если вы пожелаете, стать вашим верным рабом.

Фарух был уверен, что после такого успеха царь не сможет отказать ему и за короткое время, втершись в доверие фараону, он воплотит свои мечты в жизнь.

Хуфу задумчиво изогнул бровь и погладил длинными пальцами накладную бородку, закрепленную на подбородке.

– Моим рабом, – задумчиво проговорил Хуфу.

Его глаза властно сверкнули, он вновь ощутил давно забытый вкус власти. Власть разлилась по его горячим жилам и протянулась к самому сердцу. Как прежде, Хуфу упивался своим величием. Разве можно забыть это ни с чем не сравнимое наслаждение?

Ему понравилась эта идея. Оказавшись на свободе спустя четыре тысячи лет, он обязательно столкнется с непреодолимыми трудностями, а этот мальчишка, довольно отважный и смекалистый для своего возраста, может оказаться полезным. И Хуфу не стал больше раздумывать, сомнения не было в крови настоящих фараонов.

– Ладно, ты можешь пригодиться. Скажи мне, далеко еще до восхода великого?

Не понимая, что подразумевается под эпитетом «великий», Фарух посмотрел на фараона виноватым взглядом и пожал плечами. Хуфу в раздражении закатил глаза.

– Далеко до рассвета, – недовольный первой оплошностью своего нового слуги, властно уточнил Хуфу.

– А, – протянул Фарух, – у нас есть время, мой господин. Я жду ваших указаний.

Хуфу явно понравилось такое послушание, и он, подняв посох старика, выставил его вперед и произнес:

– Мы идем выручать моих братьев!

И Фарух догадался. Три звезды, упавшие на три пирамиды, это – три оживших фараона. И в его детской, еще не окрепшей, но уже жадной до наживы душе замерцал свет надежды. Он уже видел себя в дорогих одеждах, представлял, как после долгих лет, проведенных в унижении и нищете, он приедет в родной квартал на дорогой машине, и его охранники заставят отца ответить за побои и оскорбления. Подгоняемый такими мыслями, Фарух быстро направился к выходу, семеня за фараоном.

– Мы идем в усыпальницу Хафра, – радостно догадался Фарух.

– Усыпальницу? – Хуфу остановился. – О нет, мой мальчик, это не усыпальница, это самая настоящая тюрьма, где предки Ур Маа тысячелетиями держали наши тела в плену. Но, благодаря тебе, мы снова станем свободными и вернем нашим именам великую славу.

Вторая пирамида была меньше первой, и коридоры ее не были так запутанны. Без труда разыскав нужную камеру, Хуфу осмотрел стены. Фарух послушно шел следом, ожидая поручений.

Как и в камере Хуфу, на стене камеры Хафры была одна светящаяся стена. Но символы на ней были другими. Если иероглифы на стене Хуфу были связаны с песком и землей, то символы Хафра говорили о силе воздуха.

– Приступай, – приказал Хуфу.

Фарух повторил все то же, что недавно проделал в камере первого заключенного фараона. Когда плита поддавалась его силе и скользнула внутрь, камера наполнилась тихим свистом. Поднялся ветер, тревожа скопившуюся веками пыль, и все ветряные потоки сосредоточились в одиноко стоящем по центру саркофаге.

Когда все стихло, появился еще один человек, одетый так же, как и Хуфу. Только ростом он был поменьше и телосложением не так огромен. Он осмотрел камеру строгим взглядом и, увидев мальчика, боязливо взирающего на него, нахмурился.

– Кого ты привел, брат?

Хуфу подошел к мальчику и положил руку ему на голову.

– Он под моей защитой, пока мы нуждаемся в его помощи.

Хафра властно кивнул.

– Менкаура уже на свободе? – строго спросил он у брата.

– Нет, брат, сначала я пришел за тобой.

Слушая, как братья разговаривают, Фарух понял, что, несмотря на то, что Хуфу был явно старше и внешне сильнее, Хафра все же обладал преобладающей властью над ним.

Хафра потянулся, разминая шею и руки.

– Сколько лет мы провели в заточении?

– Четыре тысячи, – поторопился проявить свою преданность Фарух.

Хафра окинул взглядом мальчика.

– Четыре тысячи лет – это много. Отец будет недоволен. Надо торопиться, до восхода великого мы должны успеть освободить брата.

Третья пирамида, служившая четыре тысячелетия тюрьмой младшему брату фараону Менкаура, была намного меньше остальных. Вероятнее всего, его не считали таким опасным, как двух других братьев, и не стали особо стараться, возводя его пирамиду.

Проход был намного короче, чем в двух других, но также был довольно узким, так что царственным особам пришлось ползти до камеры, где располагался саркофаг. Это сильно рассердило братьев.

Оказавшись внутри, Фарух поспешил к светящейся плите, чтобы еще раз показать свою преданность, и проделал все то же самое, что и прежде.

На этот раз с потолка потекла вода, и камера наполнилась веселым звонким смехом. Когда саркофаг наполнился до краев, появился третий фараон. Он был похож на двух своих братьев, в такой же набедренной повязке, с короной на голове. Но, в отличие от братьев, он был намного худощавей и ниже ростом, а лицо его излучало доброту и радость.

Менкаура осмотрелся и, увидев братьев, строго следящих за его появлением, довольно улыбнулся и раскинул в стороны изящные руки.

– Братья мои, я так рад увидеться с вами снова. Столько времени мы провели в этом ужасном заточении?

– Я надеюсь, достаточно долго, чтобы ты смог забыть свою пагубную привычку, – строго сказал Хафра.

Манкаура взмахнул руками и попытался перекинуть ногу через край саркофага, чтобы выбраться, но рука его дрогнула, нога зацепилась за стенку, и он с грохотом вывалился на гранитный пол.

– Священные воды Дуата, – зычно воскликнул Хафра. – Менкаура, да ты пьян?

– Нет, – протянул Менкаура, поднимаясь. – Как я мог, ведь я был там.

Он поднял палец вверх, но его заплетающийся язык явно говорил, что молодой фараон лжет.

– Ты неисправим! – поддержал негодование среднего брата Хуфу.

– Может, прекратите ругать меня, и мы займемся делом? Отец уже заждался нашего возвращения. Эти мерзкие людишки ответят за все, что они сделали, – стараясь придать своему мягкому голосу строгости, сказал Менкаура, но сразу испортил эффект тем, что громко икнул. – Кстати, а кому мы обязаны нашим освобождением?

Он обратил свой мутный взор на мальчишку, все это время молча топтавшегося у порога в стороне. Все трое обернулись на Фаруха и вопросительно посмотрели, ожидая ответа. Только сейчас мальчик понял, что так и не представился. Он опустил на одно колено, думая, что так будет более торжественно, и положил руку на плечо.

– Я Фарух, великие правители, и для меня большая честь служить таким великим царям, прославившим свою страну.

Менкаура оценивающе осмотрел мальчика, скривился в презрении и обратился к братьям:

– А вы уверены, что он подойдет? – спросил он с явным сомнением.

– Да. На первое время он будет хорошим вариантом, – ответил Хуфу.

– Отцу это может не понравиться.

– У нас нет другого выбора. Отец поймет, – вмешался Хафра. – Пора, время не ждет.

Но грандиозные планы по спасению неведомого Фаруху отца были отложены с восходом солнца. Когда они выбрались из пирамиды, горизонт уже окрасился в ярко-красные цвета, и солнце начало свое восхождение по небосклону.

– Опоздали! – сердито воскликнул Хуфу и обернулся на младшего брата. – Кто-то слишком долго выплывал!

Менкаура изобразил на лице притворное раскаяние и протянул:

– Ну и что мы будем делать?

– Ждать! – строго окинув взглядом братьев, ответил Хофру. – Один день ничто по сравнению с тысячелетиями, что отец томится в заточении. Ур Маа заперт, и теперь мы свободны в своих действиях.

Они присмотрели себе небольшой камень, лежавший рядом с пирамидой Хуфу, и, заняв каждый свое место, сели в ожидании.

– А как случилось, что вы оказались запертыми в пирамиде? – задал интересующий его вопрос Фарух.

Хуфу строго посмотрел на мальчишку. Не зная, стоит ли вообще ему о чем-то рассказывать, но решив, что знание ситуации может помочь их юному спасителю в дальнейшем, рассказал историю о том, как вероломные рабы под предводительством одного из верховных жрецов Гелиополя, желая заполучить власть над священными землями, заточили их в темницу без каких-либо объяснений, вероломно, под покровом ночи.

Когда солнце встало, охранники плато были поражены открывшейся картиной. Трое мужчин, одетые как фараоны Древнего царства, сидели в компании грязного мальчишки и с выражением скуки на лицах поверхностно изучали бескрайние просторы пустыни. Эта картина была похожа на постановку старинного спектакля, не хватало только зрителей.

Уже ближе к полудню они все же дождались свою публику. Но теперь не хватало одного из них. Менкаура весело оглядывался по сторонам в поисках того, что может его развеселить или хотя бы отвлечь, а затем незаметно ускользнул из-под опеки строгих братьев. Он безумно хотел утолить жажду, а сделать мог это, только раздобыв чего-нибудь горячительного, на поиски которого и отправился.

Глава 5

«Тот, кто не видел Каира, не знает величия ислама. Это столица вселенной, сад мира, человеческий муравейник, царский трон; это город, украшенный замками и дворцами, полный обитателей, дервишей и училищ, освещенный светочами науки» (Ибн Халь-дуни)

Едва шасси коснулись посадочной полосы, Саша облегченно выдохнула. Она вновь обрела связь с землей, и хорошее настроение ее мигом вернулось. Девушка начала радостно щебетать и с легкостью раздаривать экипажу очаровательные улыбки.

– Наконец-то! – вскакивая с места, воскликнула она, когда самолет остановился и стюардесса пригласила их к выходу.

Митя посмотрел на сестру и покачал головой. Весь полет девушка то и дело вздрагивала и кричала, стоило самолету хоть немного покачнуться, чем очень вымотала весь экипаж. Даже первый пилот лично выходил в салон, чтобы успокоить перепуганную пассажирку.

Когда в полночь Митя встретил сестру у главных ворот, Саша обрадовалась тому, что брат все-таки решил ее поддержать. Митя же, в свою очередь, был неприятно удивлен тем, что продуманного плана побега у Саши не было, и она собиралась руководствоваться обстоятельствами, надеясь лишь на удачу.

Тогда в голове находчивого юноши родилась гениальная идея. Он обратился к старинному другу, с которым они вместе учились в колледже. Мухаммад ад-Дин Абу-л-Фарах ар-Джамиль ибн Сабир был отпрыском последнего потомка одного славного турецкого рода. Далекие предки Джамии были в числе завоевателей египетских земель Османской империей. Твердо устоявшись на новом месте, род Джамии и по сей день занимает значимое место в столице Египта. Его отец владел сетью отелей на побережье Шарм-эль-Шейха и несколькими крупными торговыми центрами. Митя познакомился с юным миллиардером в университете, когда защитил тогда еще скромного и спокойного Джамии от нападков высокомерных и напыщенных лордов. С тех пор они подружились. И каждый готов был прийти на помощь другу в любой ситуации.

Поэтому Митя и обратился к другу с просьбой помочь добраться до Каира.

Раздался стук трапа о борт, и стюардесса открыла люк. Как только в салон влетел горячий воздух, Саша выскочила наружу и, вздохнув полной грудью, радостно раскинула руки.

– Чему ты радуешься? – проворчал Митя, едва поспевая за сестрой.

– Ты разве не чувствуешь? Это запах свободы! Если бы я не знала, что обо мне могут подумать, то бросилась бы целовать землю, – радостно поделилась эмоциями Саша.

– Я не разделяю твоей радости, – пробубнил Митя. – Я уже начинаю чувствовать запах вечного рабства и больших проблем. И тебе посоветовал бы одуматься и вернуться домой.

– Вот еще! Это мое первое приключение, ты хоть представляешь, что чувствовала я, читая о приключениях великих путешественников, – это все равно, что трогать розу в перчатках, не чувствуя ее бархатной нежности, – радостно ответила Саша и сбегала вниз по трапу.

После недолгой процедуры прохождения контроля они вышли на пустынную улицу Гелиополя. Солнце только поднималось, и где-то там вдалеке начинал просыпаться «непобедимый», как его прозвали арабы, город Египта. Его столица и гордость.

Каир был основан в 969 году полководцем Джаухар ас-Сакали. Изначально этот город назывался ал-Каира, и древние строители города верили, что построен он был в неблагоприятное время. Но шли годы, а город все стоял и процветал вопреки всем прогнозам и пророчествам. Самый великолепный город со своей историей, подъемами и падениями не переставал манить к себе искателей всего самого таинственного и загадочного, авантюристов и искателей.

Многие древние называли Каир столицей мира. Разделенный священной артерией страны (так египтяне называют Нил), Каир в любое время года привлекал миллионы людей, желающих увидеть загадочные пирамиды, прикоснуться к древности и вдохнуть воздух, которым дышали фараоны. Таинственный и пугающий, но до безумия притягательный и манящий город.

На улице Сашу с Митей ожидал черный «Мерседес» с личным водителем Джамиля. Друг оказался настолько любезен, что даже несмотря на то, что обстоятельства заставили его временно покинуть страну, он с радостью предоставил Мите свою машину и гостеприимно предложил разместиться в его особняке на острове Гезира.

Саша впервые была так далеко от дома. Все, что творилось вокруг, привлекало ее внимание и было в новинку. Огромная река, через которую тянулись длинные мосты, автострада со сложнейшими развязками, однотипные дома бедных кварталов и многоэтажные высотки новых, люди, запрыгивающие на ходу в проходящие мимо автобусы, дети, толпами бегающие за туристами и выпрашивающие деньги, на некоторых улицах можно было встретить вьючных животных, оседланных предприимчивыми египтянами. Было такое ощущение, что водитель специально провез их через весь Каир, чтобы познакомить с местным колоритом. Но больше всего девушку поразило огромное количество мусора, горами сваленного в некоторых кварталах.

Дом Джамиля располагался в престижном районе Земелик, скрытый от глаз любопытных туристов высоким забором и густым банановым садом. Огромный особняк, который открылся взгляду, едва машина въехала в ворота, поражал своей роскошью и кричащим интерьером. Построенный еще во времена, когда Египтом правили халифы, он нес на себе отпечаток того времени.

Дом, или вернее, дворец, как оказалось при близком знакомстве с родовым гнездом Джамиля, занимал значительную часть района Земелик и по своим размерам превосходил любой из дошедших до нашего времени дворцов халифа.

Выстроенный в традициях османской архитектуры, он поражал своим великолепием и богатством, присущим этому стилю. Резные фасады, большие арочные окна, внутренний двор с фонтаном и великолепным зеленым садом, собравшим в себя множество редких экзотических растений и кустарников. В доме было больше ста жилых комнат; просторный холл, потолок которого был украшен мелкой мозаикой; хозяйственные помещения, столовая и несколько комнат для отдыха, украшенных дорогими коврами.

Пожилой араб, встретивший ребят у парадного входа, проводил их в комнаты для гостей и сообщил о времени обеда. Но в Сашины планы не входила трапеза, она быстро переделалась и влетела в комнату брата, который был не так расторопен, как она.

Митя только-только раскладывал чемоданы, выбирая, во что ему переодеться.

– Что ты копаешься! – воскликнула Саша.

– А куда нам спешить? – удивился Митя. – Сначала я планирую плотно пообедать. Кто же едет на пирамиды на голодный желудок? Я же не получу никакого эстетического удовольствия.

– Мы приехали сюда не животы набивать и не любоваться памятниками. Мы расследуем очень важное дело. Забыл?

– Это ты приехала расследовать свое выдуманное дело, а я стал случайной жертвой твоей не совсем здоровой фантазии, – не отвлекаясь от чемодана, уточнил Митя. – И, между прочим, я рискую своей шкурой гораздо больше тебя. Так что и правила устанавливать мне.

– Ой, только не ной, – буркнула Саша. – Живо собирайся! Я жду тебя внизу. Если ты не спустишься через десять минут, я уеду без тебя.

Как всегда, Саша оказалась слишком категоричной, не оставляя выбора или иного варианта. Поставив брата в известность о своих планах, Саша развернулась и выбежала из комнаты. Она слышала, как за закрытой дверью Митя разорвался в ругательствах на свою глупость и слишком уж непомерную любовь к бестолковой сестре, как он назвал ее, намеренно повысив

голос: «авантюристка!» Довольная тем, что достучалась до брата и, как всегда, добилась своего, Саша спустилась вниз.

Тот же араб, что встретил их, проводил ее в чайную комнату и принес чай. Десять минут прошли незаметно. Саша успела только насладиться ароматным арабским чаем и попробовать несколько восточных сладостей. Подумав заранее, что в дороге они могут проголодаться, Саша распорядилась, чтобы им собрали с собой сумку с едой. Когда все было готово, спустился Митя.

Вид его говорил красноречивее любых слов: он был явно недоволен. Увидев сестру, Митя демонстративно сдвинул брови и недовольно буркнул:

– Едем?

– Ты собираешься ехать на пирамиды в этом? – раздраженно спросила Саша.

Конечно, Митя выглядел, как всегда, великолепно: в узких льняных штанах, шелковой белой рубашке и белых кожаных мокасинах. Но это было бы великолепно для Англии или на встрече с друзьями-снобами в каком-нибудь спортивном и пафосном клубе, но для путешествия по пустыне этот вид был слишком вызывающим.

Саша оделась более практично. Для прогулки она выбрала комплект из льняных шорт и рубахи песочного цвета. На голову надела удобную кепку, а на ноги тряпичные сапожки.

– От моего внешнего вида твоя авантюра не пострадает, – сказал Митя и поправил золотую запонку.

– Как знаешь, только потом не ной, – пожала плечами Саша.

Она твердо решила, что ее обожаемый братец не испортит ей радость от близости к столь увлекательному приключению. Саша уже предчувствовала, что в пирамидах ее ждет что-то особенное. Жаль, что этот глупый денди не понимает, какую важную миссию они выполняют.

Помимо того, что Джамиль приютил друга в своем доме, он еще и разрешил ему пользоваться личными автомобилями. Узнав у араба (который, скорее всего, был в этом доме управляющим, так как мог ответить на любой интересующий гостей вопрос) месторасположение гаража, ребята обошли дом и оказались перед огромной площадкой, на которой стояло несколько дорогих машин.

Сначала Митя хотел выбрать «Ламборджини», так как любил роскошь и комфорт, но, поймав строгий Сашин взгляд, остановил свой выбор на черном внедорожнике. Покинув гостеприимный дворец, что Митя сделал без особого удовольствия, бросив на прощание печальный взгляд на окно своей комнаты, они выехали на пустую дорогу.

Дорогу к плато они нашли легко, ведь в любом месте, где открывался вид на пустыню, огромные силуэты пирамид словно вырастали из бесконечных песков. Это зрелище было настолько волшебным, что Саша заставляла Митю несколько раз останавливаться, чтобы полюбоваться таинственным великолепием этих загадочных монументов.

Последний раз, когда Саша снова попросила Митю остановить машину, он строго посмотрел на нее и категорично ответил: «Нет». Дальше они ехали молча и без остановок.

На стоянке Митя занял свободное место среди многочисленных туристических автобусов и вышел. Дорога утомила его. Египтяне ездили по своим, известным только им одним, правилам. Постоянно подрезали, не останавливались на светофоры и, не переставая, сигналили нерасторопным туристам, поэтому остановка дала возможность Мите облегченно выдохнуть и слегка выпустить пар после этой поездки.

Саша же была в прекрасном расположении духа. Оказавшись на плато, она первым делом достала из сумки карту.

– Первая пирамида Хуфу. Если верить карте, именно в ней должно быть указано нечто весьма увлекательное и загадочное.

– Ты еще скажи, что мы будем на пришельцев охотиться.

– Бред, – буркнула Саша. – Научно доказано, что мы единственные разумные существа в галактике. Мы ищем то, во что верили древние египтяне. Ты просто пойми. Если мы сумеем понять, о чем они думали тысячи лет назад, мы сможем объяснить многие их достижения.

– Слабоватый аргумент.

– Мить, ну как ты не понимаешь! Древние египтяне были самыми верующими и богобоязненными людьми. Они трудились на благо своих богов, во что-то верили, а значит, они точно знали, во что верят. Каждая легенда имеет под собой определенный исторический факт. Эта карта может стать новым открытием, таким же, как открытие Картера.

– Картера?

– Говард Картер нашел нетронутую расхитителями гробницу Тутанхамона.

– Да, я что-то слышал о проклятии фараона.

– Ну, про проклятие – это, скорее всего, миф. Я не думаю, что все было настолько серьезно, просто стечение обстоятельств, которые, собрав воедино, раздули в громкую историю в надежде привлечь внимание общественности. Но гробницу он все же нашел. А ты представляешь, сколько еще неизвестного может скрывать пустыня! Может быть, мы станем с тобой первооткрывателями никому не известного города или какой-нибудь жуткой тайны древних. В тебе еще не проснулся дух искателя?

Саша восторженно посмотрела на брата. Ее глаза горели азартом, а в голосе был слышен восторг.

– Как-то нет, – ответил Митя, смерив сестру недоверчивым взглядом. Он не очень-то разделял ее энтузиазма. – Мой дух сладко спит и посапывает. Давай скорее покончим с этим делом и вернемся в уютный дом Джамиля. Я закурю кальян, налью себе бокальчик виски и дождусь друга.

Но Саша не слушала брата, она уже летела к пирамидам навстречу потоку вечно сменяющихся туристов и теплому ветру. Митя, спрятав руки в карманы, вальяжно вышагивал за ней.

У пирамид они застали картину, которая глубоко поразила их обоих. На этот раз даже Митя не удержался и присвистнул от удивления.

У самого подножия пирамид толпилась группа японских туристов. Они по очереди подходили к огромному каменному блоку, на котором сидели двое мужчин, одетых в костюмы древних фараонов, и фотографировались. Саша замерла, восхищенно взирая на загадочных египтян.

– Посмотри, насколько их костюмы соответствуют историческим описаниям настоящих древних нарядов, – подойдя к группе поближе, пораженная увиденным, шепотом поделилась своими знаниями Саша. – У них даже короны как настоящие, и украшения. Это просто великолепно.

Рядом с фараонами крутился босоногий мальчишка в грязной одежде, на которого никто не обращал внимания, но Саша поняла, что именно он является ключевой фигурой этого маскарада, так как туристы расплачивались за снимки именно с ним. Фараоны же, наоборот, с безразличными лицами взирали на царившую вокруг них суету.

Мальчик подходил к вновь прибывшим туристам и предлагал им сфотографироваться за небольшую плату с царями Древнего Египта. Кто-то отмахивался от назойливого подростка, а кто-то спешил запечатлеть себя на фоне пирамид в обществе загадочных персонажей.

Вдруг Саша замерла, пристально рассматривая одного из фараонов.

– Что-то не так? – спросил Митя, проследив за ее взглядом. – Хочешь с ними сфотографироваться?

– Нет, – рассеянно ответила Саша, – тот, что повыше, видишь?

Митя кивнул.

– Он так похож на найденную в пирамиде каменную фигурку Хеопса.

– Ну, естественно. А как же иначе. Он должен быть похож на фараона, это ведь их деньги. Египтяне готовы делать деньги из всего, что попадает к ним в руки. Это их хлеб. Они живут за счет того, что морочат нам голову своим мистическим прошлым и богатой историей. И вообще, если присмотреться, они все на одно лицо.

– Не будь таким скептиком. Даже если это простые артисты, то не слишком много ли они потратили для достижения такого сходства? Ты же видишь их украшения?

– Дешевая бижутерия, – присмотревшись, сделал вывод Митя. – Уж я-то отличу драгоценный металл от подделки.

– Что-то здесь не так. Хотя... Может, ты и прав, – неожиданно согласилась Саша. – Это все мой затворнический образ жизни и богатое воображение.

Оставив туристов, ребята обогнули пирамиду и сразу оказались перед широким проходом, ведущим в глубь самого загадочного и непознанного сооружения древности.

Продвигаясь по тускло освещенному тоннелю, ведущему наверх, они дошли до узкого прохода и очутились в камере царя.

– Ты шутишь? – воскликнул Митя, увидев, что для того, чтобы пробраться внутрь, ему придется проползти по узкому тоннелю.

– Я тебе говорила! – весело ответила Саша и первой нырнула внутрь темного лаза.

Митя, недовольный тем, что ему придется ползти, сначала решил остаться и подождать сестру снаружи, но, вспомнив, что эта девочка сможет найти опасность даже в луже с водой, выругался на чистом английском и, закатав штанины, полез следом.

Когда он достиг конца тоннеля, Саши уже не было видно. Митя выбрался наружу и оказался в гранитной камере. Воздух в камере был спертым, и сразу возникло неприятное ощущение, будто тебя погребли заживо. Митя расстегнул воротник, заметно нервничая, и снял шелковый шарф. Стараясь не думать о стоимости шарфа, он вытер проступивший на лбу пот и, скомкав дорогой шелк, спрятал его в карман.

– Это великолепно, – восторженно ощупывая стены, воскликнула Саша.

– Что великолепно?

– Эти стены, эти надписи.

Митя осмотрелся. Он не понимал, какие надписи его сестра узрела на стенах, ведь многовековые гранитные глыбы были совершенно чисты. На них не было надписей или каких-либо знаков.

– Саш, ты прости меня за этот глупый вопрос, но какие надписи ты видишь? – удивленно взирая на голые камни, спросил Митя.

– Что значит «какие»? – ответила Саша.

Она подошла к стене за саркофагом и осторожно, с нежностью, едва касаясь, провела рукой по гладкому граниту.

– Вот здесь, смотри, несколько раз встречается имя фараона Хуфу, – и, улыбнувшись, добавила: – Что, конечно же, вполне естественно, ведь это его усыпальница. Четыре тысячи лет назад его захоронили именно здесь.

Вдруг Саша напряглась.

– Что случилось? – тревожно спросил Митя.

– Его похоронили живьем. Об этом написано на стене. И охраняет его страшное проклятие. Только невинная душа способна снять печати с его гробницы.

У Мити даже мурашки пробежали по коже от интонации, с которой говорила Саша. Она говорила о смерти фараона, словно читала пророчество о гибели мира. Это было жутко и странно. Митя взял себя в руки и, стараясь придать своему голосу спокойствие, посмотрел на Сашу, словно у нее был бред, и повторил:

– Стены абсолютно чисты, Александра.

– Как чисты? – Саша резко обернулась, все еще находясь под впечатлением от увиденного, и удивленно посмотрела на Митю. – Этого не может быть. Я же вижу знаки, символы и... почему ты их не видишь?

– Скорее всего, это атмосфера пирамиды. Ты чувствуешь, как здесь жарко и дышать трудно, у тебя может быть переутомление. Уйдем отсюда.

– Нет, – несмотря на заботу в голосе брата, решительно ответила девушка. – Я должна узнать правду.

Достав из сумки блокнот и карандаш, Саша устроилась на полу и принялась зарисовывать все, что могла увидеть, старательно записывая, с какой именно стены она срисовала отдельные фрагменты древних символов. Митя стоял за ее спиной, с испугом следя, как появляются на белом листе мистические картины, смысл которых был ему непонятен.

Поглощенная своим делом, Саша не заметила, как пролетело время. Прошел час, когда она закончила работу, остановилась и выдохнула.

Митя все это время стоял у Саши за спиной и смотрел на рисунки, появляющиеся на чистом листе бумаги. Он догадался, что девушка пишет символами древних египтян, но смысл написанного был ему непонятен.

– Что это значит? – спросил он, когда Саша закончила.

– Я не знаю, – осматривая свои труды, задумчиво ответила Саша. – Я ведь не до конца изучила иерографику.

Она ткнула карандашом в то место, где в овале были изображены несколько символов: круг, змея и две птицы.

– Я знаю только, что здесь написано имя фараона Хуфу, того, что построил эту пирамиду. А эти символы, – Саша указала на изображение фигуры то ли человека, то ли животного, – это Осирис. Бог возрождения, царь загробного мира. Здесь еще указаны имена двух других царей, захороненных в Эль Гиза – Хафра и Менкаура. И несколько символов, означающих за их воскрешение. Что ты думаешь об этом?

Митя замаялся. Он не мог сказать сестре, что думает на самом деле. А думал он, что она до смерти пугает его своим поведением. Думал, как побыстрее оказаться на воле, вновь вдохнуть свежий воздух и покинуть навсегда эту проклятую гробницу. Он внушил себе, что у Саши от удущья перемкнуло в голове, и она, начитавшись прежде разных книжек, творит сейчас в своих мыслях эти жуткие для нормального сознания вещи. Но раз он ничего не видит, значит, ничего и быть не может. И все это вымысел. И чтобы в голове сестры не случилось новых пугающих его перемен, Митя протянул Саше руку и сказал:

– Я думаю, нам пора.

Саша тяжело вздохнула и уже собиралась последовать за Митей, как вдруг неожиданно замерла на месте и стала тревожно оглядываться.

– Ты слышишь это? – загадочным голосом спросила девушка, вслушиваясь в окружающую тишину.

Митя вновь ощутил, как холодок бежит по его спине. Саша словно издевалась над ним, испытывая его мужество на прочность.

– Слышу что? – недоуменно посмотрел на сестру Митя.

– Этот голос.

Саша оглядывалась по сторонам в поисках источника.

– Тут много голосов, здесь, помимо нас, есть еще люди, наверно, это эхо.

– Нет! – воскликнула Саша, – этот голос идет из глубины пирамиды. Слово само прошлое пытается заговорить с нами.

– Александра, возьми себя в руки, ты начинаешь пугать меня. Уйдем отсюда! – настойчиво приказал Митя.

Но, проигнорировав протянутую руку, Саша подошла к саркофагу и громко крикнула:

– Здравствуйте!

И в тот же миг вся гробница наполнилась бело-лунным светом. Знаки на стене засияли, и пол задрожал.

– Ты слышишь меня? – послышался ответ.

Голос действительно исходил из стен, потолка и разлетался по комнате. Это был какой-то акустический трюк, одна из тайн пирамиды. Саша обернулась на брата и сделала знак рукой, означавший: «Я же говорила!»

Митя, в свою очередь, удивленно развел руками и спросил:

– Ты о чем?

– Как о чем, разве ты не слышишь?

– Да что я должен услышать? – еще больше недоумевая от происходящего, спросил Митя.

Саша, не понимая, почему брат строит из себя дурачка, махнула на него рукой и снова посмотрела вверх.

Пока ребята переговаривались, неизвестный молчал. И заговорил, только когда девушка вновь повернулась к саркофагу.

– Твой друг не верит. Потому что он меня не слышит, – с грубоватым сарказмом сообщил голос. – И ты не должна. Кто ты такая?

– Я Александра... а это мой брат Дмитрий. Мы из России.

– А, – разочарованно протянул голос. – Варвары.

– Кто?

– Я не обладаю достаточными сведениями о вашей стране. Только об отдельных ее индивидуумах, – голос замолчал и затем задумчиво и недоуменно произнес: – Но как случилось, что ты можешь слышать меня?

Я не знаю, – призналась Саша. – Но слышу вас отчетливо. Вы заблудились? Может, вам нужна помощь?

На мгновение воцарилась тишина. Неизвестный размышлял. И вдруг он громко вскрикнул, словно его внезапно осенило.

– Да! Мне нужна твоя помощь. Но для начала я представляюсь. Ур Маа, верховный жрец священного города Натхис и хранитель сей великолепной гробницы.

– Натхис? Не слышала о таком, – задумчиво произнесла Саша. – Неужели в Египте остались города, поклоняющиеся богу солнца?

– Конечно! Ведь вера хранится в наших сердцах, и неверие означает лишь невежество. Наш верховный бог – Атум.

– Атум? – задумалась Саша. – Я в свое время что-то читала о нем. Он ипостась бога Ра.

– Можно и так сказать, – будто отмахнувшись от нелепого сравнения, отрезал голос. – У великого много имен, но не в этом суть.

Голос снизился, и Саша могла поклясться, что если бы незнакомец был перед ней, то она, скорее всего, увидела бы, как тот нервно и опасливо оглядывается. Он продолжил:

– Этой ночью случилась беда – сила, которую много веков с помощью заклинаний удерживали в этой темнице, вырвалась на волю, заточив меня в этих стенах.

– Но чем я могу вам помочь? – искренне удивилась Саша, услышав о неизвестной силе.

– Ты должна найти мой город, Натхис. Это город жрецов, город последних царей Черной земли, город народа, преданного своему богу. Верой и правдой мы служим ему уже несколько тысячелетий, передавая свои знания от отца сыну. И много поколений нам удавалось охранять тайну богов.

– Богов? – переспросила Саша.

– Дослушай, – серьезно сделал ей замечание голос. – Ты найдешь город и предупредишь правителя о том, что темные силы вырвались на свободу.

– А как я найду этот город?

Голос хмыкнул и затих.

В тишине послышалось шипение и жутко неприятный скрип. А после этого на черном, словно глубокое ночное небо, потолке стали появляться знаки, рисунки, четкие линии. Они были похожи на звездное небо. Сначала они казались лишь нелепым смешением бесполезных знаков, но, внимательно присмотревшись, Саша сумела увидеть то, что показывал ей незнакомец. Саша быстро схватила карандаш и, боясь потерять видение, судорожно начала переносить все, что видела, с точностью до каждой точки в свой блокнот.

Митя уже не вмешивался. Он с немым выражением искреннего удивления и испуга на лице внимательно следил за действиями сестры. Глаза его расширились от напряжения, и он забывал, что хотя бы изредка ему надо дышать. Он так и стоял, не дыша, не шевелясь и не моргая, с диким желанием поскорее утащить сестру из душной камеры.

Саша закончила и с победной улыбкой обернулась к брату.

– Теперь ты мне веришь? – гордясь собой, спросила она. – Ты ведь слышал все, что он говорил?

– Н-е-т, – растягивая буквы, ответил Митя. – Я не слышал никакого голоса. Но я отчетливо слышал, как ты разговаривала сама с собой, издавая странные звуки на чужом языке.

Саша махнула рукой.

– На каком языке? Что за глупости? – не понимая, о чем говорит Митя, Саша пожала плечами и, спрятав блокнот в сумку, направилась к выходу. – Идем, мы должны спешить.

Митя посмотрел на сестру так, словно она была совершенно больна головой, но не сказал ни слова. Он послушно кивнул, и они вновь нырнули в лаз. Митя полз следом за сестрой, пытаясь понять весь смысл произошедшего в камере.

– Александра, ты хоть понимаешь, что буквально несколько минут назад вела конструктивный диалог сама с собой... на непонятном нормальному человеку наречии? – каким-то странным, не своим голосом спросил Митя.

– Не говори ерунды, – буркнула в ответ Саша. – Я разговаривала с узником пирамид. Он сказал, что мы должны найти один город.

– Город, – словно в бреду, повторил Митя. – Какой еще город? Ты хочешь сказать, что у тебя было видение?

– Точно! Видение! Вот почему ты ничего не видел и не слышал. Я, как Кассандра, смогла увидеть то, что недоступно человеческому пониманию. Это было видение, кто-то пытался предупредить нас об опасности и просил передать послание своему правителю.

Митя тряхнул головой.

– Бред какой-то. Мне кажется, твоя шутка слишком затянулась. Мы должны немедленно вернуться домой. Тебе стоит хорошенько отдохнуть... я начинаю беспокоиться за твое самочувствие.

– Мить, не будь брюзгой, если ты хочешь вернуться, так и скажи, я найду способ самостоятельно добраться до этого города.

Митя отчаянно простонал, ругая свою сестру за твердолобость. Он не знал, пытается ли она таким образом подогреть в нем интерес к этой аванюре или делает все не специально, но знал, что бросить ее одну не может.

– А где он находится? – сдался Митя.

– На другом берегу Нила. Мы должны следовать за солнцем.

Вдруг Саша резко остановилась и замерла.

– Ты чего? – чувствуя себя жутко неудобно и мечтая поскорее выбраться из этой ужасной темницы, спросил Митя.

– Этот человек... он говорил про трех фараонов!

– Ну и?

– Мне сейчас пришла в голову одна мысль.

– Сейчас? А она не могла прийти тебе в голову чуть позже, когда воздух посвежее будет или потолок повыше?

Саша продолжила, совсем не слушая брата.

– Помнишь тех странных персонажей, которых мы встретили у подножья пирамиды? Я же сказала тебе, что в них есть что-то загадочное! – радуясь своей догадке, восторженно воскликнула Саша. – Это они, те самые фараоны, которые вырвались из заточения!

Митя недоверчиво хмыкнул.

– Тебе надо больше отдыхать, теперь я понимаю, почему твой отец держал тебя в заточении – у тебя слишком развито воображение, ты можешь быть опасна для общества... ну, для меня по крайней мере ты точно опасна.

Но Саша уже не слушала его. Она поползла вперед, все быстрее перебирая руками и ногами, чтобы поскорее добраться до выхода. Теперь Митя едва поспевал за ней.

На улицу девушка буквально выбежала, не обращая внимания на препятствие в виде неудобной лестницы, которая в некоторых местах резко обрывалась и падала вниз, затрудняя движение. Оказавшись на улице, Саша осмотрелась.

Митя вышел следом, поправляя штаны и отряхиваясь от пыли. Он снова обрел свое непревзойденное спокойствие и напустил на себя привычный налет аристократичности. Но, сделав первый шаг, он наткнулся на сестру.

– Ну что, опять? – спросил он, заметив, как Саша жадно обшаривает взглядом площадку перед пирамидой.

Не обнаружив фараонов с этой стороны, девушка, несмотря на запреты брата, двинулась вперед, надеясь обойти всю пирамиду по кругу. Но когда они снова оказались на том же месте, закончив свой путь, Саша разочарованно протянула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.